Юрий Окунев

САГА О ВОССТАВШЕМ ИЗ ПЕПЛА

Посвящается 90-летнему Юбилею Михаила Окунева

Дом Иаковлев, вставай, идем!
Исайя – библейский пророк

И встал народ Иаковлев, иссеченный и окровавленный, забитый насмерть и распятый, воскрес и восстал... Изможденным дистрофиком вырвался из Варшавского гетто, недобитой девочкой выполз из под трупов Бабьего Яра, поседевшим юношей вышел из литовских и белорусских лесов.

Восстал народ Иаковлев и пошел! Сорвал с себя кровавые струпья, стряхнул пепел крематориев и пошел, чтобы с самого высокого места на Земле – из Иерусалима – ясно и непреклонно уведомить всемирную юдофобскую чернь: «Никогда больше! Никогда и никому не позволю убивать еврейских детей!».

Из книги: Ю. Окунев – «Ось всемирной истории»

Пролог – *andante sostenuto*

Интерес к истории предков, ощущение себя звеном бесконечной цепи, уходящей в бездонный колодец прошлого, пришли ко мне поздно, уже в эмиграции.

В молодости люди вообще редко интересуются своими предками. Озадаченность настоящим, озабоченность будущим, учеба, работа, карьера, женщины, семья, дети – все это оставляет мало возможностей обратить вдумчивый взгляд в прошлое, а двуликие янусы, способные смотреть назад и одновременно идти вперед, встречаются нечасто...

У живших в бывшем Советском Союзе существовали дополнительные причины избегать чрезмерного интереса к своим предкам, ибо подобное любопытство было чревато большими неприятностями – ненароком могло выясниться, что кто-то из предков имел «непролетарское происхождение» или, не дай бог, духовное звание, а то – и среди «врагов народа» пребывал. Сокрытие непролетарского происхождения предков или их религиозно-культовых занятий могло повлечь сначала исключение из компартии, а затем увольнение с работы – это еще в лучшем случае. Недаром, лишь покинув Россию, многие уже в весьма зрелом возрасте подсели к компьютеру и написали историю своих предков, отыскали корни своего семейного древа, рассказали детям об их прапрабабушках и прапрадедушках из русских, польских, литовских, украинских и белорусских городов и местечек...

Ко мне лично неодолимое желание отыскать свои семейные корни и рассказать о них детям и внукам пришло после смерти мамы, когда за спиной сгустилась холодная пустота вечности. Работу эту сильно ускорила неожиданная болезнь, этакий «звоночек тревожный» – мол, тебе дается последний шанс сохранить для потомков историю семьи и вызволить из небытия образы предков – если не ты, то кто это сделает?

Дополнительным стимулом к глубинным раскопкам послужило внезапное озарение: из чудом уцелевших невнятных обрывков старых воспоминаний, из полустертых надписей на пожелтевших фотографиях, на горизонте семейного видения нарисовались две воистину выдающиеся, знаковые фигуры – мои прадеды по отцовской линии Мовше Окунев и Давид Якобсон. Мовше Окунев, отец моего дедушки Исаака Окунева, был известным резником города Велижа и окрестных местечек во времена после потрясшего всю Россию знаменитого Велижского дела – кровавого навета о ритуальном убийстве велижскими евреями христианского мальчика. Давид Якобсон, отец моей бабушки Раисы Окуневой, служил раввином в Любавичах – всемирно известном центре Любавичской ветви хасидизма, родине Хабада. Давид получил это высокое назначение в 1882-м году из рук самогó Четвертого Любавичского ребе – великого цадика-праведника Самуила Шнеерсона, известного в истории Хабада под именем Махарш. Опускаю все перипетии моих поисков, приведших к этим семейным открытиям, ибо тема этого повествования совсем другая.

Здесь я хотел бы расказать удивительную семейную сагу – историю об исчезновении в огне Холокоста целой ветви семейного древа Окуневых, которая, тем не менее, словно сказочная птица Феникс, возродилась из пепла и обновленная расцвела в Израиле и Америке. Ядром этой истории является подлинное чудо – невероятное обнаружение, казалось бы, навсегда исчезнувшей окуневской ветви благодаря одной книжной публикации...

В этой истории два главных героя. Первым является мой троюродный брат Михаил (Моше) Окунев, сначала сгинувший вместе со всей семьей где-то в окрестностях польско-литовского города Вильно во времена кровавого разлома Второй мировой войны, а затем, через полстолетия, внезапно возникший в американском городе Чикаго во главе большой новой семьи. Вторым героем нашей повести является... книга «Письма близким из XX века», благодаря которой первый герой был обнаружен самым фантастическим образом – словно «на кончике пера» было найдено одно из десяти колен израилевых, исчезнувших, казалось бы, навсегда...

Роль вашего покорного слуги – автора этой повести, была достаточно скромной – свести вместе двух означенных выше главных героев...

Литва, Руднинкайская пуща, весна 1944 года

Весной 1944 года Генштаб Красной Армии начал подготовку гигантской военной операции «Багратион» по разгрому немецкой группы армий «Центр» и освобождению от фашистов Белоруссии и Литвы. Значительная роль в этой операции отводилась многочисленным партизанским отрядам, действовавшим глубоко в тылу вражеских армий. В мае того года в одной из сводок Совинформбюро среди других новостей с фронтов сообщалось об уничтожении литовскими партизанами немецкого конвоя с продовольствием вблизи Вильнюса...

***

В том году зима затянулась, и тепло весеннего солнца с трудом пробивалось сквозь хмурое небо в густые лесные дебри Руднинкайской пущи, что между Вильнюсом и Лидой. Ночь выдалась холодная, с поземкой, и дежурный в старом овчинном тулупе подбросил несколько толстых сухих веток в костер. Пламя взметнулось, выхватив из тьмы контуры сосен, окружавших поляну, и уже подтаявшие снежные сугробы, отодвинутые от входа в сколоченный из стволов деревьев барак. Темнота ночи рассеется еще нескоро, но в котелках, подвешенных к перекладине над костром, уже почти готов завтрак – мясо с картошкой. Командир отряда приказал приготовить побольше еды – всё, что удалось получить из близких деревенек и лесных хуторов. Бойцы тоскуют по хлебу, но хлеба у крестьян нет и печь его негде, но картофель есть, а иногда, как в тот день, – и мясо...

Моше проснулся – его сосед по нарам Давид толкался и монотонно тихо подвывал: «Подъем...подъем...». Молодые мужчины и женщины лежали, прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть, на сплошных деревянных нарах, двумя рядами протянувшихся вдоль всего барака с узким проходом между ними. Нары были устланы в несколько слоев мягкими сосновыми ветками, а на них – старые пальто, куртки, тулупы и ватники, все, что у кого было, чтобы подстелить под себя и укрыться. Три десятка людей поднимались в кромешной темноте ночи. Они уже привыкли к жизни в глухом лесу, они знали, что это их единственный шанс спастись... Они безропотно поднимались с нар, одевались наощупь в темноте, перекидывались фразами на идише и русском, говорили тихо, словно подчеркивая ответственность и даже торжественность момента – все знали, что вскоре им придется уйти далеко в лес, что вскоре будет бой...

Моше выбежал из барака, быстро растер лицо, грудь и бока влажным снегом, потом, вернувшись, натянул на себя две рубашки – все, что у него были, а сверху надел пальто, сшитое из остатков старой солдатской шинели, подпоясал его ремнем, засунул шапку-ушанку в рукав. Вход в барак уже открыли, и в отблесках костра он скоро отыскал свою миску и деревянную ложку, вырезанную из распила сосны.

Командир отряда Абба Ковнер сидел на стволе спиленного дерева и терпеливо ждал, когда люди, окружившие костер, закончат еду... Эти люди – его еврейский отряд, наконец-то признанный командованием Красной Армии действующим партизанским подразделением. Признание пришло несколько недель назад, когда советский самолет сбросил им на парашюте рацию и оружие. Больше полугода Абба действовал на свой страх и риск, подбирал в глухих литовских лесах измученных скитаниями беглецов из еврейских гетто, добывал им пищу, пристраивал на глухих хуторах детей, больных и немощных, разрушал вражеские коммуникации, нападал на немецкие патрули и местных полицаев. Очень трудно было поддерживать баланс между боеспособностью отряда и милосердием к детям и старикам, но самым трудным было найти среди местного сельского населения тех, кто не выдаст евреев гестаповцам и полицаям, – Абба научился делать это. Теперь отряд получил по рации приказ командования – регулярно уничтожать немецкие конвои с продовольствием, движущиеся к фронту. Абба выбрал для первой операции лесную дорогу между Вильно и Лидой, по которой немцы переправляли солдат и продовольствие на фронт. В течение двух недель его разведчики следили за движением конвоев – они донесли, что дважды в неделю на рассвете транспорт с продовольствием проходит по дороге в сопровождении бронетехники и охраны численностью до полуроты.

Моше поел со всеми, проверил винтовку и встал в неровную линию бойцов рядом со своим другом Давидом. Абба Ковнер перечислил по именам участников рейда. Он был

краток: «Наша задача – уничтожить немецкий конвой, сопровождающий обоз с продовольствием, и захватить обоз; этот бой будет проверкой нашей способности к борьбе с врагом и нашей готовности поддержать наступление Красной Армии, которая прислала нам оружие и боеприпасы». Командир стоял перед бойцами с непокрытой головой, и его лицо и густые, с ранней сединой волосы переливались бликами от неровного света костра. Моше казалось, что Абба похож на Эйнштейна, на скорбного Эйнштейна, с горечью смотрящего на разваливающуюся гармонию мира. В лучистых глазах Аббы словно окаменели страдание и ненависть. Все знали истоки и этого страдания, и этой ненависти...

Абба Ковнер был известным в Вильно лидером молодежной сионистской организации Ха-шомер Ха-цаир. Потом, когда пришли немцы, он создал подпольную организацию сопротивления в Вильнюсском гетто. Абба не желал быть рабом, Абба был поэтом, его дерзкие слова были подобны мужественному призыву древнего иудейского воина Элазара к защитникам крепости Масада перед последним штурмом римских легионеров:

«*Нас не поведут, как овец, на бойню!*

Еврейская молодежь, не давай сбить себя с пути. Из 80000 евреев Вильнюса, Литовского Иерусалима, осталось всего 20000. На наших глазах отняли наших родителей, наших братьев и сестер. Где сотни людей, которых забрали на работу литовские "хапуны"? Где раздетые догола женщины и дети, которых увели в страшную "ночь провокации"? Где евреи, которых увели в Судный День? Где наши братья из Второго гетто? Все, кого увезли из гетто, никогда больше не вернутся. Все дороги Гестапо вели в Понары. А Понары – это смерть!

Сомневающиеся! Избавьтесь от иллюзий! Ваши дети, ваши мужья и жены погибли. Понары – это не лагерь. Их всех убили там. Гитлер намерен уничтожить всех евреев Европы. Евреям Литвы суждено стать первыми на этом пути.

Не будем же овцами, покорно идущими на убой! Правда, что мы слабы и беззащитны, но сопротивление должно стать единственным ответом врагу!

Братья! Лучше погибнуть свободными борцами, чем выжить по милости убийц.

Сопротивляйтесь! До последнего вздоха!»

Осенью 1943 года Абба Ковнер организовал побег группы узников из гетто, создал партизанский отряд в Руднинкайском лесу. После гетто никто никогда не видел улыбки на лице Аббы – слишком много смертей прошло перед ним, слишком много зверски убитых родственников и друзей. Все знали это, и Абба тоже знал – нет у него в отряде бойцов, у которых не было бы убитых близких. Здесь не было счастливых людей – гармония мира лежала в руинах, словно сам Бог скончался в Понарах, в кровавых котлованах Понарского леса, где немцы и литовцы убивали евреев.

Моше сжал руками винтовку. Он пришел в этот лес вместе с Аббой Ковнером и еще двумя десятками беглецов из Вильнюсского гетто прошлой осенью, и 7 октября, – это запомнилось на всю жизнь, – выполнил первое боевое задание: с группой бойцов разрушил линию телефонной связи вдоль дороги на Вильнюс. В феврале Моше исполнился 21 год, он тогда вспомнил, как родители и братья поздравляли его прежде в Вильно, но здесь никто не отмечал дни рождения, это осталось в прошлом, а путь в прошлое заслонял кровавый призрак банды убийц, в которую, казалось, превратился весь мир... Моше закинул винтовку за спину и зашагал рядом с Давидом – до рассвета им

предстояло пройти несколько километров по заранее намеченным тропинкам сквозь чащу темного леса и устроить засаду на крутом изгибе лесной дороги. «Ты знаешь, Моше, – тихо рассуждал Давид – фрицы мерзнут в России, и мы лишим их пищи и теплой одежды.»

Командовать операцией командир отряда поручил Абраму Сабину. Абрам явно гордился своей миссией и выглядел франтовато на фоне кое-как одетых бойцов – на нем была теплая полосатая фуфайка и до блеска начищенные сапоги, в правой руке – автомат, за поясом – пистолет. «Мы получили из советского партизанского штаба приказ любыми средствами предотвратить поставку продовольствия и оружия немецким войскам из нашего района, – пояснял Абрам – вскоре к нам присоединятся литовские партизаны из группы Петритиса, с ними вместе у нас почти полурота бойцов, мы уничтожим врага.»

Когда дневной свет начал пробиваться сквозь темную чащу леса, они приблизились к месту операции. Абрам Сабин и его помощник Исаак Чужой разделили объединенный еврейско-литовский отряд на три части. Центральная группа, вооруженная гранатами, автоматами и четырьмя пулеметами, залегла у самого изгиба дороги в скрытой густыми ветвями засаде за стволами поваленных деревьев – группа должна была нанести основной огневой удар по охране конвоя. Две другие группы располагались слева и справа от центральной группы, слегка в стороне от дороги, – они должны были поддержать ружейным огнем центральную группу в случае непредвиденных осложнений.

Светало... Мощенная булыжником лесная дорога, обрамленная неглубокими канавами для стока воды, все яснее проступала на фоне темного леса с грязноватыми белыми полосами еще не растаявшего снега. Тишина пустынного леса не нарушалась даже птицами, удивленными пявлением людей в такое раннее время. Моше с Давидом попали в левофланговую группу, они залегли в неглубокой яме и забросали себя сверху сосновыми ветками. Было зябко и сыро, время, казалось, остановилось, и минуты мучительно растягивались до бесконечности... Восемь часов, девять часов утра, уже совсем рассвело, и остатки снега с деревьев с шумом падали на бойцов то тут, то там... Враг не появлялся. Первоначальное возбуждение сменилось уталостью и тревогой – операция, похоже, провалена, а, может быть, и того хуже – передвижение отряда обнаружено, и он будет атакован...

Внезапо все услышали отдаленный шум – громыхание телег по булыжной дороге, смешанное с монотонным рокотом моторов. В гулкой тишине утреннего леса шум движения быстро нарастал, и вскоре из-за поворота длинной змеей начал выползать конвоируемый фашистами обоз. Сначала несколько десятков крестьянских телег, запряженных лошадьми и нагруженных в два ряда мешками, медленно проехали мимо партизанской засады. Все замерли, стараясь скрыть даже свое дыхание – командир приказал ни в коем случае не стрелять по возницам и лошадям. Затем к цокоту копыт и стуку колес о булыжники добавилось рычание моторов – вслед за телегами с небольшим отрывом появился бронетранспортер с отделением немецких солдат и двумя пулеметами на борту, а за ним, также с небольшим отрывом, – два открытых грузовика, набитых местными полицаями. Когда грузовики с полицаями оказались прямо напротив засады за поваленными деревьями, командир тихо сказал: «За нашу победу!», а затем громко выкрикнул: «Огонь! Огонь!».

В мгновение тихая лесная дорога превратилась в ад – грохот пулеметов и автоматов, разрывы гранат, крики людей и ржанье испуганных лошадей, пламя и дым от взрывов и горящей техники, мечущиеся люди, окровавленные тела убитых и раненых.

Немцы пытались открыть пулеметный огонь с бронетранспортера, но он был первым выведен из строя и загорелся под градом пуль и гранат. Горящий бронетранспортер заблокировал дорогу, и теперь вся мощь пулеметного огня обрушилась на грузовики с полицаями. Успевших выскочить снимали автоматными очередями, и не было жалости ни к убегавшим, ни к раненым. Санька Нисанилевич методично добивал прицельными выстрелами из винтовки всех фашистов, проявлявших признаки жизни – «Вот вам расплата за убийство моей семьи, за отца, за мать, за братьев и сестер...».

Чувство мстительной радости охватило Моше – бывшие бессильные узники гетто громят хваленых гитлеровских солдат. Ему хотелось самому убить хоть одного немецкого солдата или литовского полицая, ярость созрела в его душе – растерзанные нацистами родители и братья словно призывали его к возмездию... Выживший шофер одного из грузовиков внезапно выскочил из кабины и попытался убежать в лес. Моше прицелился и выстрелил в него, шофер упал; потом выяснилось, что несколько партизан одновременно стреляли в беглеца, и никто не знал, чья пуля его сразила.

Операция прошла блестяще – немецкий конвой разгромлен, несколько десятков фашистов убиты, потерь нет, захвачено много обмундирования, оружия и боеприпасов, реквизировано большое количество продовольствия, подвод и лошадей. Партизаны отпустили не успевших сбежать кучеров и выдали им справку о временном изъятии подвод и лошадей. Видимо, от тех сбежавших и отпущенных крестьян пошла по деревням и хуторам легенда о том, как «дивизия литовских партизан» уничтожила «тысячи немецких солдат и офицеров».

На базу возвращались в объезд, на конфискованных телегах и лошадях, с драгоценным грузом продовольствия. Моше сидел на мешках вместе с литовским партизаном, Санька правил лошадью. Все долго молчали, переживая снова и снова случившееся, – после томительного ожидания врага, после нервного шока от скоротечного боя, после победного возбуждения вдруг навалилась усталость. Первым заговорил Санька:

— Война – вещь жестокая, но этот бой – совсем другое. Это было не жестокостью, а очищением – я чувствовал, что могу, наконец-то, расплатиться с нацистами за убийство моей семьи...

— Я вижу, – прервал Саньку литовец, – вам хотелось бы постонать и повыть подобно диким животным, чтобы скрыть свою тайную злобу. Все вы, жиды, – убийцы, ищущие реванша. Немецкий шофер был ранен и неопасен – зачем вы пристрелили его? Моя христианская вера основана на любви к любому созданию, которому Иисус дал жизнь...

— Врешь! – резко оборвал его Моше, – Это наша еврейская Библия учит справедливости. Немецкий солдат – наш враг. Я не знаю, как много крови на его руках, но он – часть системы, которая пытается убить наш народ и погубить весь мир.

— Пойми – это война! – попытался смягчить спор Санька, – Выбора нет: либо мы убьем врага, либо враг убьет нас.

Литовец сердито хмыкнул, спрыгнул с подводы и присоединился к своему отряду. Моше и Санька молчали, расстроенные подобным финалом «сотрудничества». Санька подвел итог:

— Этому типу, на самом деле, наплевать и на евреев, и вообще на то, кто победит в этой войне, – он ушел в лес, чтобы увильнуть от мобилизации в германскую армию.
— Он почуял скорое поражение немцев, – добавил Моше, – и старается выслужиться перед Советами, которые возвращаются в Литву.

У Моше и Саньки остался неприятный осадок от разговора с литовским «другом». Они и прежде, еще до войны, не раз сталкивались с недоброжелательностью со стороны поляков и литовцев, но обидно было слышать недобрые слова о евреях от товарища, с которым только что вышли из боя с общими врагами – фашистами. Есть вещи, которые не меняются, таков антисемитизм, – думал Моше, – немцы убивают евреев, но литовцы предпочитают сочувствовать убийцам, это почему-то больше подходит к их вере...

В лесной чаще рано стемнело, солнце в тот день так и не пробилось сквозь сплошную облачность. В наступавших сумерках мысли Моше не были радостными. Далекое счастливое детство в родительском доме заслонялось ужасами его несчастной юности. Что видел он в свои лучшие молодые годы? Унижения, кровавые погромы и убийства близких, жизнь в гетто, которая хуже жизни скота перед бойней... Сиротская юность без своего дома, без родственников, жизнь на грязных чердаках, в землянках и бараках, в этом мрачном лесу, сквозь густые заросли которого ему подчас мерещатся лица мамы, папы и братьев, какими он видел их в последний раз...

***

Моше не знал, что ждет его в дебрях Руднинкайского леса. Он не знал, что всего лишь через два месяца здесь, вдоль лесной дороги, на которой бывшие узники гетто разгромили немецкий конвой, верховное командование вермахта сосредоточит десятки тысяч солдат и тысячи танков, что две германские армии группы «Центр» устроят здесь, на линии Вильнюс–Лида, последний оборонительный рубеж на пути Красной Армии в Восточную Пруссию, что здесь будет кромешный ад, в котором столкнутся две гигантские бронированные армады...

У Моше Окунева было мало шансов выжить в этом аду, но он выжил...

Предместье Варшавы – поселок Окунев, XVI–XX столетия

Для полноты картины эту историю следует начать хотя бы с самого краткого экскурса в происхождение фамилии Окунев, по крайней мере, в ее еврейском варианте.

До сих пор на окраине Варшавы, в 25 километрах от ее центра, в излучине речушек Длуга и Зонза, сохранилась деревушка под названием Окунев (Okuniew) с небольшим рынком посередине, с красивым приходским костелом св. Станислава, полуразрушенным старинным дворцом семьи Лубеньских и остатками парка при нем, со старым запущенным еврейским кладбищем, с известным конным заводом и зданием Товарищества им. рыцаря Окуня.

Городок Окунев появился в этих местах в первой половине 16 века и был назван по имени рыцаря Станислава Окуня, получившего от самого польского короля Сигизмунда I Старого привилегию на владение окрестными землями на торговом пути из Варшавы в Русь и на организацию здесь торговли и ярмарок. В 1634 году Енджей Свенчицки в своем труде «Топография, или описание Мазовии» писáл: «По другую сторону Вислы

варшавская земля растягивается все шире, охватывая маленькие города Окунев и Станиславов». С этими местами связаны многие исторические события – в 1656 году под Окуневом польский национальный герой гетман Стефан Чарнецкий одержал победу в бою со шведами, а в 1703 году в Окуневе квартировал сам шведский король Карл XII. Во времена Ноябрьского национального восстания 1830 года на территории между Окуневом и Старой Милосной шли сражения между польскими повстанцами и русской армией, предшествовавшие битве под Ольшынкой Гроховской. Обстрелянный русскими войсками, Окунев сгорел во время боя 18 февраля 1831 года. В том же году произошла известная Битва под Окуневом, в которой принимал участие один из руководителей польского национально-освободительного движения Петр Высоцки.

Старинный герб городка Окунев и костел св. Станислава

Во времена Речи Посполитой Окуневским имением владели Окуневы, Повсиновы, Чёлковы, Радзиминьские, Оценцкие, Гжыбовские, Клицкие и Лубеньские. В 1795 году после падения Польского государства вследствие Третьего раздела Польши Окунев вошел в состав Австро–Венгерской империи и стал пограничным городом. Во времена Наполеоновских войн Россия присоединила к себе Варшаву и ее окрестности, включая город Окунев. После строительства железной дороги Варшава–Брест, которая прошла в стороне от Окунева, он стал увядать, и в 1869 году указом императора Александра II был лишен городского статуса. В начале XX века в Окуневе существовал конный трамвай до железнодорожной станции в Милосне. Этот конный трамвай действовал до Первой мировой войны, когда отступающие русские войска разобрали трехкилометровый путь и ликвидировали рельсы. Российское владение закончилось в 1915 году, территория Окунева оказались в немецкой оккупации, которая длилась до конца Первой мировой войны. В 1920 году во время польско-советской войны через Окунев проходил фронт. В последующие годы, на ухабах истории XX века деревня Окунев претерпела все невзгоды и бедствия, выпавшие на долю многострадальной польской земли – они не нуждаются в дополнительных комментариях.

Евреи появились в Окуневе в XVIII веке, тогда же здесь была отстроена первая синагога. Согласно историческим свидетельствам, поселок Окунев «принадлежал к числу местностей, в которых евреи не подвергались стеснениям в жительстве». В середине XIX века в поселке жило 532 человека, в том числе 105 евреев, а по переписи 1897 года из 1119 жителей 287 были евреями. По переписи 1921 года в Окуневе проживало около 500 евреев, в нем работали многочисленные общественные, религиозные и культурные

еврейские организации. После 1930 года большое количество евреев эмигрировало, в результате чего кагал перенесли в Рембертово. В сентябре 1939 года Окунев оккупировали немецкие войска, а в апреле 1940-го немцы депортировали всех евреев из Окунева в Варшавское гетто – почти все они погибли. В наше время евреев в Окуневе нет, и единственным напоминанием о их жизни в этом месте является небольшое Еврейское кладбище, в котором сохранилось с десяток надгробий. В 1988 благодаря Фонду семьи Ниссенбаумов территория еврейского кладбища была приведена в порядок и огорожена, но сейчас кладбище вновь зарастает лесом.

Возвратимся, однако, к нашей теме. В начале XIX века, после трех разделов Польши и окончания Наполеоновских войн евреи деревеньки Окунев узнали, что они являются отныне подданными Российской империи с правом проживания в черте оседлости, которая включала Литву, Польшу, Белоруссию и часть Украины. Развал Речи Посполитой, административный хаос и экономическая разруха в бывших польско-литовских землях подталкивали евреев к миграции на восток. Именно тогда, где-то в первой четверти XIX века мой прапрадед, имени которого я не знаю, навсегда покинул Окунев и ушел в поисках счастья далеко на восток в Белоруссию, в Витебскую губернию, поближе к восточной границе черты оседлости, поближе к границе с Великороссией, и поселился в городке Велиже на берегу полноводной Западной Двины.

Фамилии для евреев начали вводиться в России с начала XIX века. В «Положении о евреях» 1804 года, в царствование Александра I, говорилось, что «каждый еврей должен иметь или принять известную свою наследственную фамилию или прозванье, которое и должно уже быть сохраняемо во всех актах и записях без всякой перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере или при рождении». Поселившись в Велиже наш далекий предок был поставлен перед необходимостью выбрать себе и всему своему семейству фамилию. Он и его близкие еще хорошо помнили свою бывшую Родину, и поэтому без колебаний взяли себе фамилию Окунев по названию польской деревни, откуда они родом. В следующем поколении Окуневых эта фамилия стала официальной и закрепилась за семьей во всех «актах и записях без всякой перемены».

Велиж–Витебск, XIX–XX столетия

Для дальнейшего продвижния к завязке описываемой здесь истории, приведем самые краткие сведения о дальнейшей судьбе семьи Окуневых, поселившейся в Велиже в первой четверти XIX века.

Велижский резник Мовше Окунев – сын избравшего эту родовую фамилию выходца из польской деревеньки Окунев, основатель всего известного ныне семейного клана Окуневых – родился в середине XIX века в Велиже, а умер там же в 1914 году. В наше время город Велиж, находящийся в 90 км к северо-востоку от Витебска на берегу Западной Двины, входит в состав Смоленской губернии России. Во времена, когда отец Мовше Окунева, имя которого мы никогда не узнаем, поселился в Велиже, город был центром Велижского уезда Витебской губернии Российской империи. В нем проживало около трех сотен евреев, в том числе 10 купцов, а к моменту рождения Мовше в уезде было уже больше 3000 евреев. По переписи 1861 года в Велиже проживало 2105 евреев, и они составляли примерно 40% населения города.

О Мовше Окуневе и его семье мне осталось рассказать то немногое, что знаю. Он был уважаемым человеком в Велиже и его окрестностях. Профессия резника (шохета) считалась наследственной и весьма почетной. Резнику следовало осилить премудрости Талмуда и Шульхан Арух, чтобы знать все тонкости шхиты[1] и кашрута[2] и чтобы сдать экзамен строгим раввинам в Любавичах. Мовше пришлось много тренироваться, прежде чем он научился не нарушать кошерности убиваемых животных. Когда он впервые взял в руки нож шохета, в Велиже было почти 3000 евреев, и все они соблюдали Закон и кашрут, и все они шли к нему, чтобы готовить пищу по законам Торы и Талмуда. А ещё – приезжали евреи из местечек Ильино и Усвят, работы хватало, и его семья не знала бедности.

Велижский резник Мовше Окунев – родоначальник семейного древа Окуневых, и его жена Минна-Двойра (Велиж, начало XX века)

На единственном сохранившемся портрете Мовше Окунева мы видим мудрого старца, читающего Тору или Талмуд. Фотография сделана, по-видимому, в начале XX века в Велиже. Благородное, тонкое лицо, обрамленное большой седой бородой, темные, живые и немножко печальные глаза поверх спадающих очков… На нем темный кафтан, на голове глубокая меховая шапка по типу хасидских… Если бы меня попросили нарисовать устный портрет Мовше по тому, что я знал о нем, я бы нарисовал что-то очень близкое к

[1] Шхита – свод религиозных предписаний о приготовлении пищи и кошерном питании.

[2] Кашрут – комплекс законов о дозволенной (кошерной) и недозволенной (некошерной) пище; в более широком плане – правила религиозной дисциплины, правила добропорядочной жизни.

этой фотографии. Не могу себе представить лучшего символа нашего рода – такого обаятельно простого и, в то же время, столь глубоко возвышенного.

Жену Мовше звали Минна-Двойра. Сохранилась ее фотография, сделанная в велижском ателье М.А.Тевелева, по-видимому, в начале 1910-х годов. На обороте фотографии успокаивающая надпись – «Негативы сохраняются». О, святое неведение – через несколько лет тихий патриархальный Велиж вместе со всеми фотонегативами рухнет в преисподнюю бесконечной череды разрушительных войн и революций. Но эта фотография каким-то чудом сохранилась, и мы можем теперь узнать, как выглядели наши предки в самом начале XX века.

У Мовше и Двойры было трое детей – сыновья Гершен и Исаак и дочь Бася. Дети Мовше оказались весьма плодовитыми. У Гершена от двух жен было 10 детей: сыновья – Пинхус, Семен, Иосиф, Гирш и Моисей, и дочери – Соня, Рахиль, Брайна, Фира и Минна. Исаак родил трех сыновей – Пинхуса, Абрама и Бенциона, и трех дочерей – Иду, Рахиль и Минну. Бася имела сына Бориса и дочь Анну. Таким образом, у Мовше Окунева было 18 внуков.

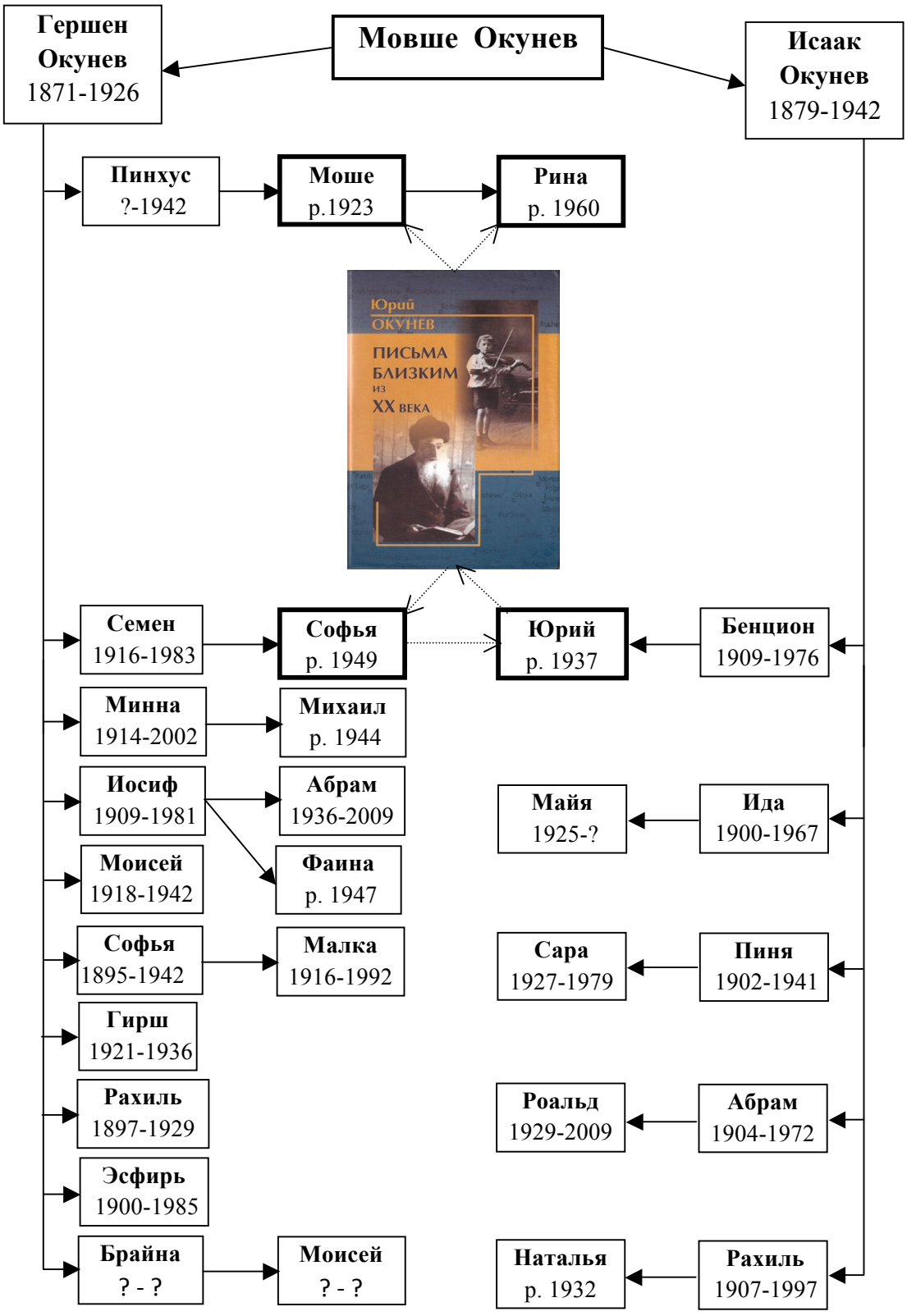
От сыновей Мовше Окунева – Гершена и Исаака – пошли две окуневские ветви нашего генеалогического древа, к первой из них принадлежит главный герой настоящей удивительной истории Михаил (Моше) Окунев – внук Гершена, а ко второй – автор этого повествования Юрий Окунев – внук Исаака.

Для наглядности мы приводим здесь схему этих двух ветвей семейного древа Окуневых, проистекающих от велижского резника Мовше Окунева. На схеме отмечены дети и внуки Гершена и Исаака Окуневых.

В четырех прямоугольниках, выделенных жирными линиями, указаны непосредственные участники описываемой ниже истории – главный персонаж Моше Окунев, его дочь Рина, двоюродная сестра Софья и троюродный брат Юрий. Пунктирными линиями между этими прямоугольниками намечена схема взаимодействия участников поиска, основанного на книге «Письма близким из XX века». Этот поиск привел к обнаружению пропавшей ветви семейного древа – подробности станут ясными из последующего, не будем торопиться...

Чтобы приблизиться наконец к судьбе главного героя, нам осталось пройтись хотя бы бегло по Гершеновской ветви семейного древа. Основатель этой ветви Гершен должен был на правах старшего сына унаследовать профессию и должность велижского резника, но он отказался от этого, уехал учиться в Витебск и стал фармацевтом. Сохранилась великолепная фотографии семьи Гершена Окунева, предположительно, 1912 года: сам витебский провизор Гершен Окунев, его жена Фаня и пятеро детей – Брайна, Пинхус, Рахиль, Эсфирь и маленький Иосиф. Сын Гершена Пинхус – отец главного персонажа нашего повествования – крайний справа на этой фотографии.

Зимой 1919–1920 года Пинхус Окунев бежал из Советской России в Польшу и обосновался в Вильно. Вот как его сын Михаил рассказывает об этой, подслушанной им в детстве, истории: «Отец надел форму офицера Белой армии и дорогую шубу и под видом бывшего помещика стал пробираться на Запад. Был не раз задержан, но сумел освободиться и добраться до Вильно, утверждая, что пострадал от большевиков». В том же 1920 году Пинхус женился. Этот брак, по воспоминаниям Михаила, был счастливым, и родители удачно дополняли друг друга – отец был деловым человеком с хорошей интуицией, но с поверхностным образованием, а мать, напротив, имела хорошее


Гершен Окунев 1871-1926
Мовше Окунев
Исаак Окунев 1879-1942
Пинхус ?-1942
Моше р.1923
Рина р. 1960
Юрий ОКУНЕВ
ПИСЬМА БЛИЗКИМ из XX ВЕКА
Семен 1916-1983
Софья р. 1949
Юрий р. 1937
Бенцион 1909-1976
Минна 1914-2002
Михаил р. 1944
Иосиф 1909-1981
Абрам 1936-2009
Майя 1925-?
Ида 1900-1967
Моисей 1918-1942
Фаина р. 1947
Софья 1895-1942
Малка 1916-1992
Сара 1927-1979
Пиня 1902-1941
Гирш 1921-1936
Рахиль 1897-1929
Роальд 1929-2009
Абрам 1904-1972
Эсфирь 1900-1985
Брайна ? - ?
Моисей ? - ?
Наталья р. 1932
Рахиль 1907-1997

образование – она окончила русскую школу с медалью за успехи в учебе и посвящала все свободное время образованию троих сыновей – Боруха, Моше (Михаила) и Гершона.

Семья витебского провизора Гершена Окунева (Витебск, около 1912 года), крайний справа его сын Пинхус – отец Михаила Окунева

***

Я всматриваюсь в фотографию семьи Гершена Окунева, сделанную незадолго до глубочайшего провала в человеческой истории, – благополучная семья, красивые родители, счастливые дети, у которых впереди долгая и радостная жизнь... Увы, через пару лет окружающий мир рухнет в тридцатилетнюю бездну кровавого безумия – две опустошительные мировые войны и одна жесточайшая гражданская, годы репрессий и террора, нищенский быт, голод, оккупация, эвакуация, Ленинградская блокада, Колымские концлагеря, гетто, нацистский геноцид, Понарские котлованы, Бабий Яр, Освенцим, Бухенвальд... Жизнь этих детей пришлась на такой жестокий отрезок времени, какого не случалось за всю многотысячелетнюю историю человечества...

Вильно, 1935 год

«Я родился 23 февраля 1923 года в столице нынешней Литвы – городе Вильнюсе, который в те времена принадлежал Польше, назывался Вильно и был, по преимуществу, еврейским городом – литовским Иерусалимом. Вильно вышел из состава России и стал польским городом в 1920 году, польский язык и польское образование пришли на смену русскому, но евреи Вильно продолжали говорить на идише.

В 1935 году мне было 12 лет, и я был учеником общедоступной польской гимназии. Мой старший брат Борух готовился к поступлению в Политехнический институт; с юных лет у него проявились способности к математике и талант инженера-конструктора. Младший брат Гершон учился в еврейской гимназии.

Хорошо помню мой родной город Вильно. Мы жили тогда на улице Макова, дом 5, напротив парка, где дети играли в футбол. Дом, в котором мы жили, состоял из пяти блоков с расположенным в центре общим двором, где соседи собирались, чтобы обсудить текущие новости и мировые события. Единственный коммунальный туалет, оборудованный водяным сливом, располагался в конце комплекса. Отапливались квартиры дровяными печками, реже использовался уголь – он был дорог. Народонаселение дома – где-то с полтысячи человек, по существу, жило единой коммуной. Все знали все обо всех – кто что думает и что варит на обед или ужин. По пятницам, когда женщины готовились к Шаббату, дом напоминал огромный пчелиный рой. Потом, поздно вечером, в открытых окнах горели субботние свечи, и праздничная атмосфера святости словно разливалась по всему миру... Мать зажигала субботние свечи, и отец во главе стола произносил молитву за мир и счастье нашего дома. По субботам у нас всегда был праздник. Мы с братьями и друзьями гуляли по нарядным улицам Мицкевича и Гедимина, заходили в ресторанчики, чтобы съесть мороженое и попить кофе. Могу сказать – несмотря на все еврейские проблемы, у меня было счастливое детство в довоенном Вильно.

Мои родители были религиозными людьми и старались привить это детям. Помню, что в дом приходил раввин, учивший меня и моих братьев Торе; обучение заключалось в заучивании наизусть библейского текста, подчас даже без объяснения его смысла. Раввин приходил на занятия с ремнем, который служил наглядным стимулом к прилежным занятиям... Отец имел небольшое собственное дело по изготовлению перчаток и кожаных пальто, он часто уезжал в отдаленные места Польши, чтобы продать свои изделия. Когда отец был дома, мы видели его, в основном, за чтением еврейских газет «Форвертс» и «Дер Таг». Мать, напротив, проводила много времени с нами, она была домохозяйкой с хорошим образованием и каждый вечер помогала нам выполнять домашние задания.

Еврейская жизнь Вильно была очень пестрой и запутанной – в знаменитых виленских ешивах бледные вечные студенты обсуждали тонкости Торы и Талмуда, бородатые грузчики из бедноты повсюду таскали на плечах тяжелые кули с товарами, а городские интеллигенты отчаянно спорили о путях в светлое будущее. Спектр политических партий и движений простирался от религиозных сионистов до светских социалистов и коммунистов. Сионисты-ревизионисты Жаботинского призывали к “немедленной колонизации Палестины с оружием в руках”, коммунисты настаивали на присоединении евреев к “великому братству Интернационала”.

Столкновение и противоборство всех этих идей и мнений мешало разглядеть ту черную тучу, которая надвигалась на евреев Польши. Между тем, Гитлер пришел к власти в Германии, укрепил свои позиции и приступил к систематическому наступлению на права евреев. Нацистская пропаганда нашла плодоносную почву в Польше, особенно среди интеллигенции и в университетах. Юдофобские группы из национально-демократической партии, так называемые «эндеки», по примеру немецких нацистов, устраивали бойкоты еврейских магазинов, физически преследовали евреев. Наша семья вскоре ощутила на себе такие жестокие проявления антисемитской ненависти, каких прежде не знала.

Как-то я спускался по школьной лестнице, когда группа польских школьников приблизилась, и один из них неожиданно ударил меня кастетом в лицо. Я упал, заливаясь кровью... Когда мои друзья пришли на помощь, хулиганов и след простыл. Мы потом поймали некоторых из них и слегка побили, но шрам на моем лице до сих пор напоминает о ненависти к евреям в Вильно и предвоенной Польше.

В конце июня 1935 года наша семья переехала на загородную дачу, которую отец снимал на все лето. Однажды, гуляя по окрестностям, я наткнулся в густом лесу на тайное место, где проходили собрания окрестных христиан. В центре небольшой поляны была установлена статуя Иисуса Христа, перед нею стоял католический священник, окруженный толпой коленопреклоненных слушателей. Громким голосом священник рассказывал им, как евреи убили Спасителя и как они стали орудием дьявола. Этот несомненно образованный человек сознательно разжигал среди поляков костер животной ненависти к евреям, костер, который вскоре опалит эту землю пожаром Холокоста. Ненависть к евреям зарождалась в словах христианских проповедников, и эти слова были сильнее здравого смысла, сильнее Христовых заповедей любви к ближнему.

Ветер алогичной ненависти усиливался также под влиянием еврейских погромов в Германии. Дело дошло до того, что отец стал опасаться деловых поездок по польским городам. Как-то он вернулся из поездки в Познань с лицом и руками в пластырях. Отец не любил жаловаться, но, в конце концов, рассказал о случившемся. Он ехал в поезде, чтобы доставить товар заказчику, когда в вагон вломилась группа польских хулиганов, одетых в коричневую нацистскую униформу, и начала избивать евреев и срезать ножницами бороды и пейсы у оказавшихся там хасидов. Отец пытался вступиться за пожилых хасидов, но был избит и порезан.

С того случая неуверенность и страх начали вить гнездо в нашем доме. Отец пытался успокоить домашних – мол, евреи привычны к преследованиям, которые были всегда и везде, но с Божьей помощью они всегда выдерживали все испытания и, в конечном итоге, переживали своих гонителей. Все, однако, чувствовали – отец уже не верит в добрый исход. Перед нами встал вечный, беспощадный вопрос: “Что делать?”. Должны ли мы покинуть наш дом, землю, где мы родились, и уйти в неизвестность? И, если “да”, то куда уезжать? В Америку? Но ведь дорога туда перекрыта – жесткие квоты на эмиграцию в Америку не оставляют надежды. И к тому же – если и есть шанс на эмиграцию, как мы сможем выжить в чужих краях без работы и языка?».

***

Библейская история о всемирном потопе, о Ноевом ковчеге, о праведнике Ное и его сыновьях – истинная жемчужина древней литературы – является одним из центральных сюжетов Торы, трактующих отношения Бога и созданного Им человека. В этой истории есть поучительные ответы на вечные вопросы бытия, но есть вопросы, на которые нелегко

ответить. Почему Ной, зная о потопе, не спас род людской от гибели? Один из ответов, данный мудрецами Талмуда, таков: потому что Ной до конца сам не верил в потоп. Вот ведь как – Ной знал о потопе из первых рук, был предупрежден о нем, он строил корабль, чтобы пережить потоп, но... в глубине души не верил в его реальность. Этот сюжет в многочисленных модификациях проходит через всю еврейскую историю. Евреи Европы знали о взглядах Гитлера на еврейский вопрос, они были неоднократно предупреждены – и словом, и делом – о готовящемся геноциде, но в глубине души не верили в это... Когда гитлеровцы уже формировали специальные группы профессиональных убийц для физической ликвидации европейских евреев, последние еще дискутировали на тему «ехать или не ехать» и обсуждали свои шансы на обустройство в эмиграции «без работы и знания языка» – трагический, но, к сожалению, типичный сюжет еврейской истории! Впрочем, можно ли бросить камень в того, кто не мог вообразить кровавую бойню в Понарских котлованах и Бабьем Яре?

Вильно, июнь–сентябрь 1941 года

22 июня 1941 года Германия начала войну против Советского Союза. Главный удар вермахта пришелся на Западную Белоруссию и Прибалтику, которые были присоеденены к СССР в 1939-ом и 1940-ом годах. В первый же день войны 3-я танковая армия вермахта под командованием генерал-полковника Германа Гота разгромила приграничные советские войска и в стремительном броске захватила мосты через Неман в районах Алитуса и Мяркине. После форсирования Немана моторизованные корпуса Гота сходу захватили столицу Литвы город Вильнюс на третий день войны – 24 июня 1941 года. В этот день судьба вильнюсских евреев была предрешена.

***

«Война пришла неожиданно. Днем и ночью механизированные дивизии, танки, артиллерия неиссякаемым потоком шли через наш город – казалось, нет конца и предела этой германской силе. С первого дня войны в городе царила паника, тысячи людей паковали вещи и пытались бежать с Советскими войсками, но немцы захватили город так быстро, что никто не сумел убежать – это был настоящий блицкриг.

На четвертый день войны я вышел из дома, чтобы оценить обстановку и попытаться достать еду для семьи. Литовская полиция полностью контролировала город. Я видел, как полицейские выхватывали евреев из очередей за хлебом и избивали их резиновыми дубинками. Это было для меня первым шоком, но за ним последовали другие шокирующие картины. На Новогрудской улице группа литовцев в нацистских униформах со свастикой на рукавах избивала дубинками ученика местной ешивы – он, полуживой, лежал на краю сточной канавы в разорванной одежде с искаженным от боли лицом. Сквозь стоны слышались обрывки молитвы мальчика: «Шема Израэль... Адонай Элохейну... Адонай Эхад...». Избиение продолжалось, пока один из истязателей не сказал: «Он подох, пошли...» – я содрогнулся от ужаса.

Прибежав домой, я рассказал об увиденном родителям и спросил: «Папа, ты говорил, что Господь милосерден... Почему Он не пришел на помощь невинному мальчику, жестоко убитому литовцами?». Отец ответил: «Ты не должен задавать такие вопросы. Нам не дано понять Господнего замысла, и Он может рассердиться на тебя за такие вопросы».

На следующий день я пошел в соседний дом, где жили мои школьные друзья. Во дворе в луже крови лежало тело полураздетой девушки со следами кровоподтеков и порезов. Лицо девушки было сильно изуродовано, но я узнал ее – это была моя школьная приятельница Лиза Моргенштерн. Ей было 17 лет, она окончила гимназию буквально накануне войны. Лиза была очень хороша – высокая, стройная, с длинными черными волосами и большими лучистыми глазами на красивом лице.

Как мне потом рассказали, Лизу выдал ее сосед-литовец, который пошел служить немцам сразу же после захвата ими города. Этот сосед, пытаясь выслужиться перед немецкими офицерами, дал им Лизин адрес и намекнул, что господа офицеры могут хорошо провести время с красивой евреечкой. Немцы пришли якобы реквизировать квартиру Лизиных родителей, девушка им очень понравилась, и они потребовали от нее сексуального обслуживания. Лиза пыталась сопротивляться, что только разъярило «сверхчеловеков» – они жестоко избили ее, а затем коллективно изнасиловали. Возбужденные кровавой сексуальной оргией и обозленные сопротивлением девушки, немцы затем вытащили ее, полуживую, во двор и буквально изрешетили уже безжизненное тело выстрелами из пистолетов. Отец Лизы был преподавателем гуманитарных наук в нашей гимназии. Увидев убитую дочь, он, как рассказывали, помутился умом и все время повторял что-то про «новый порядок» и «уважение к ценностям гуманизма». Ему недолго пришлось мучиться...

Это случилось на второй день германского вторжения, это было началом того чудовищного зверства, которое творили немцы и литовцы над беззащитными евреями... Литовские пособники нового режима проявляли по отношению к еврейскому населению Вильно особую жестокость, неожиданную и удивительную даже для профессиональных убийц из зондеркоманды СС. Они создали специальные полицейские отряды, чтобы отлавливать, грабить и убивать евреев прямо на городских улицах. Литовские обыватели устраивали на улицах города «театрализованные представления» с издевательствами и публичными казнями евреев. Кровавый террор охватил город, и население было в панике. Дело дошло до того, что германская администрация сочла действия литовских погромщиков неприемлемыми – ликвидация евреев не должна быть хаотичной кровавой уличной вакханалией, она должна производиться с немецкой скрупулезностью и упорядоченностью. Для завязки «упорядоченного убийства евреев» немцы устроили эффектную провокацию – они обвинили евреев Вильно в убийстве немецкого солдата. В качестве наказания немцы с помощью литовских полицаев провели ночную облаву на евреев, проживавших в центре города, и вывезли 8 тысяч евреев в лесное урочище вблизи поселка Понары – там все они были расстреляны и сброшены в котлованы, вырытые еще до войны для нефтехранилища. Эта акция немецко-литовских извергов вошла в историю Холокоста под названием «убийство в ночь провокации» – она была одной из первых акций массового уничтожения евреев на территории Советского Союза.

Вслед за «ночью провокации», с начале сентября 1941 года, немецкая администрация начала тотальное переселение еврейского населения Вильно в два гетто, известные как «Большое гетто» и «Малое гетто». Рано утром литовские полицаи окружили наш дом и дали нам 15 минут на сборы. Мы побросали в мешки и чемоданы самое необходимое из еды и одежды, какие-то семейные реликвии, натянули на себя по два слоя одежды и вышли на улицу – в неизвестность... Был теплый день начала осени, божественная природа словно подчеркивала свою непричастность к жуткому уродству происходящего. Мы шли по улице Макова в толпе стариков, женщин и детей с тюками и

чемоданами – это была процессия обреченных... Процессию направляли в гетто, улицы по дороге туда были замусорены брошенными предметами быта и одеждой. На улице Лика, где начиналось гетто, литовские полицаи загнали нас прикладами ружей в какой-то пустой еврейский дом, по-видимому, покинутый его обитателями совсем недавно. Оставленная еда была еще теплой, на полу валялись разорванная одежда, остатки кухонной утвари и поломанной мебели, а пятна еще не высохшей крови свидетельствовали – здесь был настоящий погром с жестоким избиением жертв. Мы с ужасом представили себе жизнь в этом доме, где мучили и, может быть, убивали людей... Обследуя наше новое жилье, мы с отцом забрались не верхний этаж дома и неожиданно нашли открытый переход через чердак в пустой дом на соседней улице – вся семья немедленно перебралась туда. Как оказалось, это спасло нам жизнь – в ту же ночь литовские полицаи депортировали всех переселенных на улицу Лика евреев в Лукишкскую тюрьму, а затем отправили их на расстрел в Понары. Немцы огородили забором территорию, куда были согнаны все евреи Вильно, и поставили вокруг охрану – началась наша мучительная жизнь в качестве узников гетто».

***

В течение двух лет профессиональные убийцы – эсэсовцы из айнзацгруппы “А”, и их литовские подельники методично уничтожили все еврейское население Вильнюса, в основном, в расстрельных котлованах поселка Понары вблизи Вильнюса. Немногие выжившие очевидцы приносили в гетто страшные вести о массовых расстрелах стариков, женщин и детей в понарских котлованах, но узники гетто не верили им. К осени 1943 года Вильнюсское гетто было полностью ликвидировано.

У Моше Окунева не было никаких шансов выжить в этом последнем круге ада, но он выжил...

Саусберри, Коннектикут, США, 1999–2002

Я ничего не знал о судьбе Михаила Окунева, когда в 1999-ом году начал писать историю нашей семьи в маленьком американском городке Саусберри штата Коннектикут. В этот городок меня занесла профессиональная судьба – я получил работу в расположенной неподалеку фирме General DataCom. Работа в фирме была нелегкой, но по вечерам я непременно садился к компьютеру, обкладывался справочниками и книгами по истории евреев и до глубокой ночи погружался в далекое прошлое... Из обрывков записанных на пожелтевших листках воспоминаний, из надписей на старых фотографиях, из разговоров с родственниками, из сопоставления их воспоминаний с историческими фактами складывалась туманная картина жизни и судьбы предков.

Особенно трудно было с историей той ветви семейного древа Окуневых, которое происходило от Гершена Окунева – старшего сына основателя рода Мовше Окунева. Составляя историю этой ветви я писал тогда: «Гершеновская ветвь – типичный пример сужающегося генеалогического конуса: Гершен родил 10 детей, они вдесятером родили 8 внуков, восемь внуков родили 6 правнуков, а шесть правнуков родили 5 праправнуков».

Из десяти детей Гершена к моменту начала моего исследования в живых осталась только его дочь Минна – ей было 86 лет, она пребывала в Доме ветеранов Ленинградской блокады, и было затруднительно получить от нее какие-нибудь достоверные сведения по истории семьи. Минна скончалась в 2002-ом году – я так и не успел повидаться с нею.

В Санкт-Петербурге в то время жили 2 внука Гершена: Абрам Окунев – единственный выживший сын Иосифа Окунева, и Михаил Брио – сын Минны Окуневой, а также внучка Гершена Фаина – единственная дочь Иосифа Окунева. На внуков Гершена я возлагал свою единственную надежду – только они могли пролить свет на судьбу гершеновской ветви нашего генеалогического древа. Эта надежда в какой-то мере оправдалась – внуки Гершена Окунева отыскали и прислали мне бесценные фотографии наших предков, помогли составить общую схему гершеновской ветви. По существу, все сведения о семейной ветви Гершена Окунева, изложенные в моей первой мемуарной книге, были основаны на представленных ими материалах.

Книга «Письма близким из XX века» вышла в свет в издательстве «Искусство России» в Санкт-Петербурге в 2002-ом году. О главном герое настоящей повести Михаиле Окуневе и его семье в ней была одна печальная строчка: «У Пинхуса Окунева был сын Михаил – о них нет никаких сведений». Питерские родственники Михаила Окунева – его двоюродные братья Абрам и Михаил и двоюродная сестра Фаина – рассказывали, что с семьей Пинхуса Окунева не было никакой связи с начала 20-х годов, что он уехал куда-то в Польшу и, по-видимому, погиб вместе со всей семьей во время немецкой оккупации. Михаил Брио вспоминал, что его мать, Минна, упоминала сына Пинхуса, Михаила, о судьбе которого тоже ничего не известно. Все эти не очень внятные предположения вылились в моей книге в короткое заключение – «нет никаких сведений».

Столь же безрадостными и туманными были мои умозаключения о других потомках Гершена Окунева: из десяти детей Гершена только трое оставили наследников, а остальные либо были бездетными, либо умерли еще до войны, либо погибли во время войны вместе со своими семьями. У меня получалось, что из всех внуков Гершена до третьего тысячелетия дожили только трое, а в следующем поколении – поколении его правнуков – не осталось ни одного, сохранившего семейную фамилию Окунев или хотя бы какие-то еврейские корни семьи. В результате этих умозаключений, основанных на имевшихся тогда сведениях, рассказ о потомках Гершена Окунева завершался следующими двумя весьма пессимистическими оценками:

«Я пытался отыскать в гершеновском древе мужскую линию, которая должна была сохранить семейную фамилию Окунев... Увы, печально, но факт – в гершеновской ветви наша семейная фамилия Окунев утрачена навсегда».

«На этой высокой минорной ноте я заканчиваю историю витебского провизора Гершена Окунева. Его потомки рассеялись и смешались с другими народами. В их зыбкой памяти все реже туманно маячит далекий образ еврейского предка – гершеновская ветвь нашего семейного древа растворяется, чтобы исчезнуть навсегда».

Обе оценки оказались ошибочными!

***

Русский философ Николай Бердяев еще сто лет тому назад доказал, что нет позитивно-материалистического, основанного на историческом опыте других народов, объяснения выживанию еврейского народа. Он писал, что «научная критика... не в состоянии... предположить никакого удовлетворительного объяснения факту их (евреев) чудесного существования». Сколько раз и до Бердяева, и после него люди убеждались в невозможности дать логически состоятельные объяснения и прогнозы еврейской истории. Так получилось и здесь – мои оценки оказались ошибочными и вскоре были опровергнуты непредвиденными и законам логики неподвластными событиями. Это произошло

благодаря восставшему из пепла вследствие чуда, которого по законам причинно-следственных связей быть не могло, но которое, тем не менее, случилось.

Не являетя ли это чудо проявлением особой судьбы всего еврейского народа, который мистическим образом выживает, несмотря на все усилия окружающего мира уничтожить его? Не является ли это чудо, сопровождающее еврейский народ, той осью, вокруг которой вращается всемирная история?

Вильнюсское гетто, 1941–1943

«Я – единственный выживший в Вильнюсском гетто из пяти человек нашей семьи.

Жизнь в гетто была ужасной, но она предохраняла от немедленной смерти, ибо любой еврей, обнаруженный вне его стен, подлежал аресту и расстрелу. Немцы платили жителям города специальную премию за каждого пойманного еврея. Нацистская пропаганда в сочетании с традиционным антисемитизмом превратили христианское население Вильно в прямых пособников убийц. Мы не сразу поняли опасность пребывания вне гетто, и это привело к гибели моих родителей и старшего брата. Вот как это случилось...

Отец с братом решили сходить в наш дом на Макова и взять кое-что из оставленных там вещей. В то время было еще возможно выйти из гетто, и они не предвидели опасности. Однако соседи-христиане заметили их и донесли в Гестапо. Отец и брат были немедленно арестованы и посажены в тюрьму. Маме посоветовали подкупить литовских охранников тюрьмы и вызволить оттуда папу и брата. Помню полные ужаса и страдания глаза матери, когда она, прихватив с собой все деньги и свои украшения, пошла в тюрьму – я больше не видел ее никогда. Литовские охранники охотно взяли у мамы все, что она принесла, а затем... арестовали ее и посадили в тюрьму. Евреи были вне закона, с ними можно было поступать, как кому угодно. Вскоре мои отец, мать и старший брат были расстреляны в Понарах. Я не знаю, сумели ли они увидеться перед смертью, я не знаю, какими были их последние слова... У них нет могил...

Так мы с моим младшим братом остались в этом мире одни. У меня не было больше наставников – я вынужден был ежедневно и ежечасно избегать смертельной опасности, полагаясь на свою интуицию. Постепенно мне удалось выстроить систему выживания в мире, где выжить было невозможно... Поначалу самым страшным врагом был голод, он захватывал все мысли и чувства, он лишал способности думать и бороться. Под угрозой голодной смерти я научился добывать еду и тайно проносить ее в гетто – перелезал через кирпичную стену напротив уединенного монастыря, покупал еду у литовских спекулянтов и проносил ее в гетто через только мне известную потайную дыру в заборе. Голодные узники гетто снабжали меня деньгами и ценностями, а я обменивал их у литовцев на еду – бизнес обреченных... Я устроил для себя и младшего брата несколько довольно надежных убежищ, в которых можно было скрываться от полицейских облав. Одно из таких убежищ было на чердаке, откуда в случае опасности можно было выползти на крышу – так мы выживали... В конце концов удалось пристроить брата Гершона к родственникам по линии матери – мне казалось, что там он будет в безопасности. Два раза я пытался уйти из гетто в Лиду и даже в Белоруссию, ночевал в лесу и в заброшенных сараях, но каждый раз вынужден был возвращаться потому что выжить одному без чьей-

либо поддержки было невозможно – везде преследовали и выдавали немцам беглых евреев...

Наступил 1943 год, германская армия терпела поражение за поражением на всех фронтах, но уничтожение евреев продолжалось – из десятков тысяч евреев Вильно в живых оставалось несколько тысяч.

В гетто существовали небольшие группы сопротивления, возглавлявшиеся Ицхаком Виттенбергом, Иосифом Глазманом и Аббой Ковнером. Они имели разные политические взгляды: Виттенберг представлял коммунистов, Глазман был лидером организации сионистов-ревизионистов «Бетар», а Ковнер руководил социалистическим молодежным союзом «Ха-шомер Ха-цаир». Эти группы сопротивления поначалу относились друг к другу враждебно. Потом, однако, была создана «Объединенная партизанская организация» во главе с Аббой Ковнером. Еврейское руководство гетто, юденрат, не поддерживало сопротивление – глава юденрата Яков Генс все еще пребывал в плену иллюзий, что он сможет спасти хотя бы часть евреев. Яков до войны был офицером литовской армии, нацисты поставили его во главе администрации гетто из-за связей с прежним литовским правительством и видного положения семьи его жены-христианки. Яков Генс слепо исполнял все приказы нацистских карателей, надеясь продлить агонию жертв, и, фактически, сам стал жертвой своей безумной надежды.

Мне было известно о существовании подпольных групп сопротивления, но я не знал, как можно присоединиться к ним. Из-за раздробленности и противодействия юденрата эти группы не могли организовать серьезных акций, и только во время окончательной ликвидации гетто было предпринято несколько попыток сопротивления.

В начале сентября 1943 года гетто было блокировано сотнями местных гестаповцев и специально привезенных эстонских полицаев – через громкоговорители Гестапо объявило о переселении узников гетто в Эстонию, якобы для проведения там строительных фортификационных работ. Все выходы из гетто и контакты с внешним миром были перекрыты. Ужас объял оставшихся в живых евреев. Наученные горьким опытом массового убийства всех депортируемых, люди начали прятаться в потайных местах, кто где мог.

Усиленные громкоговорителями грубые выкрики и команды гестаповцев, ужас и страдание на лицах бегущих и прячущихся повсюду людей – все это предстало передо мной страшным призраком скорой смерти в Понарских котлованах, и казалось – уже ничто не поможет мне выжить в очередной раз. Увидав, как вооруженные эстонские жандармы окружили группу евреев и направили их к воротам гетто для депортации, я перебежками добрался до двухэтажного здания школьного склада на Стражуна 12, где, как оказалось, расположилась группа бойцов Аббы Ковнера – примерно по 15 человек на каждом этаже. У них было всего несколько винтовок, самодельных гранат и бутылок с «коктейлем Молотова». У меня не было никакого оружия, и я присоединился к Илье Шейнбауму, который устроился с винтовкой и гранатой у окна второго этажа. Когда немцы и эстонцы начали приближаться к нашему убежищу, Илья бросил гранату, но она не взорвалась, а он был убит на моих глазах, успев сделать всего один выстрел из винтовки. Илья Шейнбаум погиб героем – я запомнил его навсегда. Шквал автоматного огня обрушился на наше убежище, но мне удалось спрятаться под массивной партой, прежде чем нацисты окружили дом. Наступили последние мгновения моей жизни, я уже хорошо слышал голоса моих убийц, но в этот момент обрушилась крыша дома и меня завалило ее обломками. Фашисты бросили в дом несколько гранат, но не стали входить в

разрушенное здание, считая, что все в нем уже убиты, – это, вероятно, и спасло меня в очередной раз. Я просидел под обломками до темноты, а затем разгреб завал и, окровавленный, выполз в темноту пустой улицы...

Наступили последние часы Вильнюсского гетто, остатки евреев отправляли в концлагерь в Эстонию или на расстрел в Понары. Мой брат Гершон вместе с родственниками матери был депортирован в Эстонию – я не видел его больше никогда. В ночь ликвидации гетто, буквально за несколько часов до финальной «зачистки», я бежал из гетто через только мне известную дыру в заборе и спрятался в одном из моих убежищ на чердаке пустого дома. На третий день голод выгнал меня из убежища, я бродил по улицам Вильно вокруг бывшего гетто под видом нищего, пока случайно не наткнулся на группу беглецов, покинувших гетто через канализационную систему, – это был отряд Аббы Ковнера. Меня приняли в отряд, и мы ушли в чащу Руднинкайского леса – так я стал партизаном».

***

В сентябре 1943 года закончилась двухлетняя совместная немецко-литовская акция по уничтожению восьмидесятитысячного еврейского населения Вильнюса. Лишь очень немногим удалось спастись. Среди выживших был и Моше Окунев...

Литва, Руднинкайская пуща, 1943–1944

«Я был счаслив впервые за многие годы. Мне казалось, что новая жизнь открывается передо мной. Черные тучи постоянного страха за свою жизнь рассеялись, и солнце начало снова сиять – чудесная природа густого леса стала защитным щитом от врагов. Я словно преобразился и физически и духовно – еврейский парень, живший под постоянным страхом голодной смерти или убийства, внезапно стал мужчиной и бойцом.

Жизнь в лесу была, однако, нелегкой. Наступала холодная и снежная зима – суровая северная зима. Мы рыли землянки, похожие на медвежьи берлоги, заваливали их стволами сосен для маскировки, а ночью забрасывали себя с ног до головы ветками и листьями деревьев, чтобы сохранить хоть чуточку тепла. Мы умывались снегом и пили воду из растаявшего снега. Мы добывали пищу в соседних деревнях, иногда угрожая местным жителям оружием, что вызывало недовольство, а подчас и сопротивление.

Мы скоро усвоили непреложный закон партизанского леса: здесь приходится убивать, чтобы выжить. Наша база была в малодоступной лесной глуши, оттуда мы совершали неожиданные атаки на немецкие конвои, устраивали засады на одиночные грузовики. Во время одной из первых наших диверсий, ночью, мы перерезали линии связи и разрушили линию электропередачи. Потом, когда удалось раздобыть взрывчатку, стали минировать железнодорожное полотно.

Нас окружали враги, и немцы были отнюдь не самыми опасными среди них. Пожалуй, наибольшую опасность для нашего выживания в конце 1943 и в начале 1944 годов представляло польское подполье из Армии Крайовы, руководимое из Лондона. Поляки из подполья жили в деревнях среди своих, они были настроены антисемитски и считали нас коммунистами, которые будут препятствовать созданию независимой Польши после войны. Поэтому подчас они готовы были сотрудничать с немцами против нас, и любая операция, связанная с пребыванием вблизи польской деревни, была очень опасной. Однажды мы реквизировали продовольствие в одном богатом польском замке

вблизи Вильно. Бойцы Армии Крайовы подстерегли нашу группу на обратном пути и внезапно атаковали нас с ближайшего холма. Нашей группой командовал Эханан Магид, он приказал мне задержать поляков, пока отальные бойцы доберутся с продовольствием до леса. Я установил пулемет у какой-то изгороди и открыл огонь длинными очередями. Поляки остановили продвижение, залегли в кустарнике, а затем ползком начали окружать нашу позицию – их было человек пятьдесят против наших двадцати. К счастью, лес был рядом, и нам с Магидом удалось скрыться, однако двое бойцов из нашей группы были схвачены и казнены на хуторе близ польского замка. Партизаны сурово наказали жителей хутора за это убийство – следующей ночью он был сожжен, а все его обитатели убиты.

Другим нашим врагом было население небольших литовских поселков, которое сотрудничало с фашистами. Литовцы из этих поселков не только сообщали немцам о всех наших передвижениях, но и сами при любой возможности обстреливали наших бойцов. Мы не оставались безответными. Однажды, по приказу советского партизанского командования, группа наших бойцов принимала участие в рейде по уничтожению одного литовского поселка, ставшего опорным пунктом немецкой оккупационной администрации. Я не был в этой группе, но мне рассказывали – поселок был полностью сожжен и весь военный гарнизон и многие жители были убиты.

Такова жестокая правда той жестокой войны!»

Вильно, лето 1944 года

Летом 1944 года немецкие войска отчаянно защищали подступы к Вильнюсу – немецкое командование считало этот город последним рубежом на пути Красной Армии в Восточную Пруссию и превратило его в неприступную крепость. В дополнение к гарнизону города немцы бросили на его защиту 6-ю танковую дивизию и дивизию «Великая Германия» из состава 3-й танковой армии под командованием генерал-полковника Георга Рейнхарда. Однако, немцам уже не дано было остановить наступление Красной Армии. Войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии Ивана Черняховского форсировали реку Неман с востока на запад столь же стремительно, как это сделала в июне 1941 года танковая армия Германа Гота с запада на восток – действующие лица великой военной драмы поменялись ролями.

В первых числах июля начались уличные бои в Вильнюсе. Вот как описывает это известный израильский писатель Ион Деген – участник штурма Вильнюса, командир взвода 2-й отдельной гвардейской танковой бригады:

«Подполковник сказал, что у противника держат оборону всего человек сто пехоты, пара немецких танков и несколько орудий — раз-два, и обчелся… И мы, три танка, поползли по городским улицам, не видя друг друга. Обещанные подполковником два немецких орудия, видимо, размножались неполовым делением, по нам стали бить из орудий со всех сторон. Едва успевали их уничтожать… Бой с немцами в городе, кроме советских подразделений, активно вели поляки с красно-белыми повязками на руках (подчинявшиеся польскому правительству в Лондоне) и большой еврейский партизанский отряд. У них на рукаве были красные повязки... Начиная с 9 июля, мой танк трое суток не выходил из боя. Мы полностью потеряли ориентацию в пространстве и времени. Снаряды мне никто не подвозил, и я был вынужден тысячу раз подумать, прежде чем позволить себе ещё один выстрел из танкового орудия. В основном поддерживал пехоту огнем двух

пулеметов и гусеницами... Уличные бои – это настоящий кошмар, это ужас, который человеческий мозг не в силах полностью охватить… 13 июля в городе прекратились бои. Немцы группами сдавались в плен. Помните, о каком количестве немцев предупредил меня подполковник? Сто человек. Так вот, только пленных немцев оказалось пять тысяч».

Герой нашего повествования был одним из бойцов того еврейского партизанского отряда, который упомянут в воспоминаниях Иона Дегена.

«Советские войска приближались к Вильно. Наш партизанский отряд получил приказ минировать дороги и, двигаясь в направлении Вильно, отрезать немецким войскам пути к отступлению... Настроение у всех было радостное – наконец-то приходит конец нацистской тирании. На окраине Вильно мы встретили первый советский танк, и мне посчастливилось быть среди освободителей Вильно от фашистов. Советский командир приказал нам отыскивать очаги немецкого сопротивления в городе. Вспоминаю, как мы обнаружили немецкого офицера в одном из укрытий. Я сказал ему: «Перед тобой стоит еврей, а ты, убийца, проси прощения на коленях». Офицер был совершенно доморализован, ползал перед нами в грязи на четвереньках, как свинья, и клялся, что не сделал ничего плохого. «Пристрели его» – посоветовали мне товарищи, но я не стал делать этого и сдал его советским властям. Потом у него на теле обнаружили эсэсовские наколки – может быть, этот эсэсовец убивал мою семью...

Я пытался вернуться в свой дом, но вокруг были только руины прежней жизни – мой дом разрушен, моя семья убита... Нет больше евреев в Вильно. Подчас я просыпался ночью от ужаса – мне снились штабеля горящих скелетов, мне слышались голоса немецких и литовских палачей, мне мерещился шар адского пламени, падающий на землю...

Я был страшно одинок на этой объятой адским пламенем земле, и даже моей последней надежде на то, что младший брат сумеет выжить в эстонском концлагере, не суждено было сбыться. Несколько выживших евреев из эстонских концлагерей в Клоге и Вайвари вернулись в Вильно и рассказали, что эстонский полицай убил моего девятнадцатилетнего брата за несколько дней до прихода Красной Армии. Это был невыносимо страшный удар – я остался один в этом мире, которым заправляют убийцы. О, Господи, что оставляешь Ты нам в наследство после этой кровавой войны – этот мир убийц, которые не отказывают себе в удовольствии расстрелять невинного человека даже на краю собственной могилы? Где в этом мире справедливость? Почему народы-убийцы остаются безнаказанными? Мир впал в кровавое буйное сумасшествие, а Ты, Господь, не вмешиваешься, пребывая в сумеречном состоянии...

Война приближалась к концу, советские войска ушли на Запад, чтобы добить нацистов. Я остался в Вильно, я выжил в том месте на планете, где выжить было невозможно. Мне было почти 22 года, у меня не было ни семьи, ни родственников, ни своего дома – на пепелище родного города мне не суждено было найти для себя ни одного счастливого огонька...»

***

Это – плач по Вильно.

«Холод ужаса и печали охватывает меня, когда я вспоминаю об этом исчезнувшем городе – литовском Иерусалиме! Исчезли еврейские институты знания и образования, уничтожены всемирно известные школы мудрецов Торы и Талмуда, расстреляна тысячелетняя культура, прервано существование тысяч и тысяч семей, веками живших здесь, исчезло все... Я вижу тех, кто сделал это – немцев и литовцев в фашистской

униформе со свастикой, я слышу выкрики этих нацистских убийц, стреляющих в еврейских детей, женщин и стариков на обрыве Понарских котлованов, я никогда не забуду этих жестоких скотов, пьяных от еврейской крови... Из кровавых Понарских котлованов слышится мне мольба невинных жертв юдофобского безумия, охватившего мир, мольба о справедливости, глас вопиющего в пустыне – Где Ты, всемогущий Господь?».

Коннектикут, Израиль, Чикаго, Вермонт, весна 2003 – *Apotheosis*

Наша история приближается к своей невероятной кульминации, обещанной в самом начале этого повествования. Как уже упоминалось, книга «Письма близким из XX века» вышла в свет в 2002-ом году, и о главном герое настоящей повести, Михаиле Окуневе, и его семье в ней была одна печальная строчка со словами «нет никаких сведений». Я постарался послать книгу всем Окуневым – близким и дальним родственникам, всем, кого знал. Несколько экземпляров разными путями попали в Израиль и там...

Внимание! – здесь мы подходим к ключевому моменту этой фантастической истории...

В Израиле книга попала к моей дальней родственнице, Софье Окуневой-Павловой, давно уже уехавшей из России вместе с дочерью Анной. Как видно из приведенной выше схемы двух ветвей семейного древа Окуневых, Софья являлась двоюродной сестрой исчезнувшего Михаила Окунева, а мне приходилась кем-то вроде троюродной сестры. Я хорошо помнил эту красивую девушку по давним встречам в Ленинграде, а о дальнейшей ее судьбе почти ничего не знал. Где-то в начале 2003-го года Софья позвонила мне из Израиля – каким-то чудесным образом материализовались слова из моих мемуаров: «Надеюсь, что если не я, то эта книга найдет Софью и Анну в Израиле». Книга действительно нашла Софью в небольшом израильском городе Бейт Даган, а она через общих знакомых нашла меня – обыкновенная история.

А вот дальше события развивались совершенно неожиданным образом. Оказывается, Софья рассказала о книге «Письма близким из XX века» своей дальней родственнице из соседнего городка Кфар Хабад – религиозной израильтянке с очень красивым именем Рина-Элиза Персико, и та признала в упомянутом в книге Михаиле Окуневе... своего отца, живущего ныне в Чикаго!

Говорят, что такое бывает только в романах – мне буднично сообщили телефонный номер человека, которого я и все его родственники считали давно погибшим и навсегда потерянным! Словно само Провидение тихо, незаметно возблагадарило меня за труд, казавшийся со стороны непродуктивным и даже бессмысленным, за радость от самых малых находок и за горечь от всего ненайденного. Скептики говорят, что нет такого феномена, как Провидение. Может быть, и нет, а, может быть,... оно, по словам Татьяны Толстой, «просто тихо, как вода, стоит в нас..., ища Его, мы ищем себя, отрицая Его, мы отрицаем себя...»

Можете себе представить, с каким волнением я звонил из Коннектикута Михаилу в Чикаго. Мои неуклюжие попытки объяснить наши родственные связи в сочетании с моим скверным английским произвели на Михаила неблагоприятное впечатление. Вероятно, он поначалу решил, что какой-то иммигрант из России вымогает у него деньги и пытается всучить свою книгу. Однако, в конце концов, мне удалось объяснить Михаилу три вещи: первое – я так же, как и он, имею фамилию Окунев; второе – я написал книгу мемуаров, где рассказывается о наших с ним родственниках; и третье – я хочу подарить ему эту книгу!

В конце концов, я послал Михаилу книгу с дарственной надписью. Подарок сопровождало письмо на английском, которое я привожу полностью в переводе на русский:

Уважаемый Майкл:

Позвольте мне, прежде всего, представиться.

Меня зовут Юрий Окунев, и я являюсь вашим родственником: ваш дедушка Гершен Окунев и мой дедушка Исаак Окунев были родными братьями, т.е. мы с вами имели общего прадеда Мовше Окунева. Я – ученый в области прикладной математики и, кроме того, пишу книги по еврейской истории. Живем мы с женой в Коннектикуте, а наши дочь и сын с семьями живут в Нью-Йорке. Ваш адрес я узнал от Софьи Окуневой-Павловой из Израиля.

Теперь позвольте мне объяснить цель этого письма.

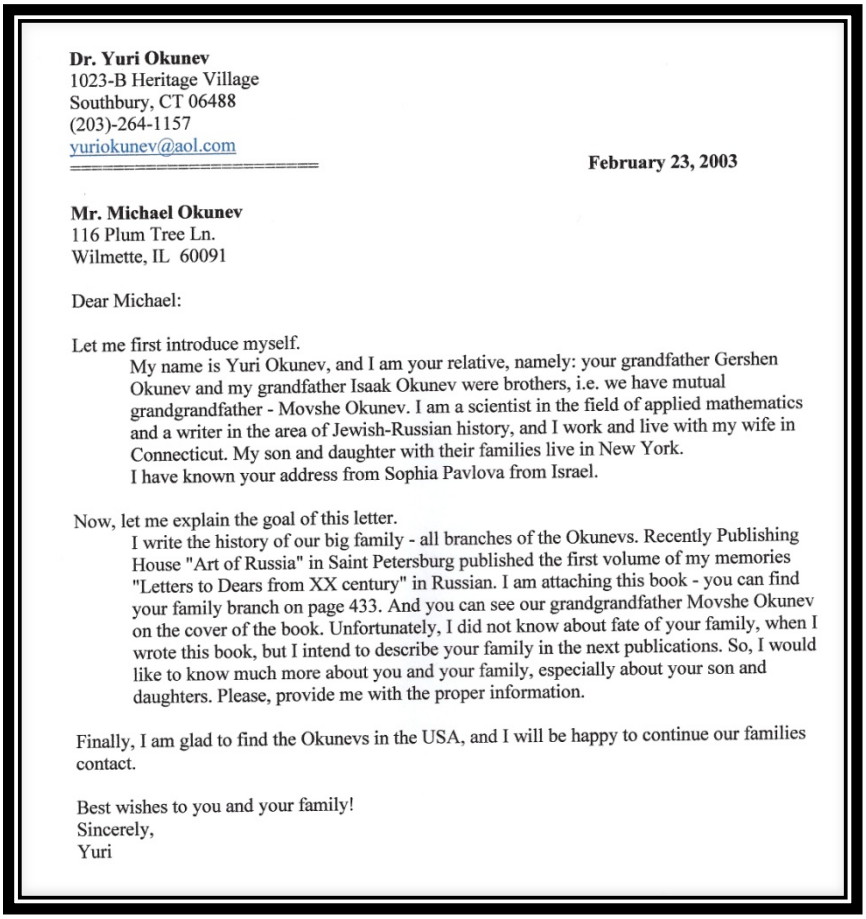
Я составляю историю нашей большой семьи, историю вех ветвей семейного древа Окуневых. Недавно издательство «Искусство России» в Санкт-Петербурге опубликовало книгу моих мемуаров «Письма близким из XX века» на русском языке. Я прилагаю экземпляр этой книги – вы можете найти в ней схему вашей семейной ветви на стр. 433, и вы можете увидеть фотографию нашего с вами прадеда на обложке книги. К сожалению, я ничего не знал о судьбе вашей семьи, когда писал эту книгу, но сейчас, когда я нашел вас, мне хотелось бы узнать как можно больше о вашей семье.

Я очень рад что нашел вас – моего родственника из рода Окуневых, здесь в США, и я буду счастлив продолжить наши семейные контакты.

Наилучшие пожелания вам и вашей семье! Искренне ваш, Юрий Окунев

Тогда, в 2003-м году, я не обратил внимания на дату отправки этого письма – 23 февраля 2003 года. Много позже узнал я ошеломившую меня подробность: оказалось, что это – день рождения Михаила и, более того, день его 80-летия! Какова вероятность послать письмо незнакомому человеку в день его 80-летия? Как часто не замечаем мы вокруг себя чудесных событий и явлений – истиных знаков Провидения, сопровождающих нашу обыденную жизнь...

Прошло несколько недель, прежде чем я получил ответный звонок из Чикаго. Чувствовалось, что Михаил едва сдерживает рыдания – он узнал на одной из фотографий свою тетю – сестру своего погибшего отца Эсфирь, с которой встречался в Вильнюсе в 1944 году, он узнал из книги, что он в мире не один, он узнал, что в России у него есть близкие родственники – двоюродные братья Абрам и Михаил и двоюродная сестра Фаина...



Dr. Yuri Okunev
1023-B Heritage Village
Southbury, CT 06488
(203)-264-1157
yuriokunev@aol.com

February 23, 2003

Mr. Michael Okunev
116 Plum Tree Ln.
Wilmette, IL 60091

Dear Michael:

Let me first introduce myself.
My name is Yuri Okunev, and I am your relative, namely: your grandfather Gershen Okunev and my grandfather Isaak Okunev were brothers, i.e. we have mutual grandgrandfather - Movshe Okunev. I am a scientist in the field of applied mathematics and a writer in the area of Jewish-Russian history, and I work and live with my wife in Connecticut. My son and daughter with their families live in New York.
I have known your address from Sophia Pavlova from Israel.

Now, let me explain the goal of this letter.
I write the history of our big family - all branches of the Okunevs. Recently Publishing House "Art of Russia" in Saint Petersburg published the first volume of my memories "Letters to Dears from XX century" in Russian. I am attaching this book - you can find your family branch on page 433. And you can see our grandgrandfather Movshe Okunev on the cover of the book. Unfortunately, I did not know about fate of your family, when I wrote this book, but I intend to describe your family in the next publications. So, I would like to know much more about you and your family, especially about your son and daughters. Please, provide me with the proper information.

Finally, I am glad to find the Okunevs in the USA, and I will be happy to continue our families contact.

Best wishes to you and your family!
Sincerely,
Yuri

Фотокопия письма Михаилу Окуневу в Чикаго от 23 февраля 2003 года

Михаил рассказал мне страшную историю своей семьи – слепок с трагической судьбы европейского еврейства. Эта история описана здесь с его слов. После войны Михаил оказался в Польше, оттуда уехал учиться медицине в Германию. В 1950-е годы он приехал в США и женился в Чикаго на американке Беверли Кейлс. Михаил – врач-терапевт, у него медицинский офис в районе Чикаго, о работе которого легко узнать, набрав в любой поисковой системе слова «Doctor Michael Okunieff».

У Михаила и Беверли Окуневых (Michael and Beverly Okunieff) есть сын Пол и три дочери – Полли, Роуда и Рина. Сын Михаила Пол (Paul Okunieff) – ныне известный профессор Университета Флориды в области медицинской радиологии, директор клиники раковых заболеваний. Дочь Михаила Полли (Polly Okunieff) живет и работает в Бостоне, она – специалист в области информационных технологий. Дочь Роуда (Rhoda Okunieff) живет в Нью-Йорке, работает в сфере финансов. Дочь Рина (Рина Окунева-Персико) живет в Израиле, в городке Кирьят–Оно в центре страны. Всего у Михаила и Беверли Окуневых к настоящему времени есть 13 внуков и 5 правнуков, причем 10 внуков и все правнуки живут в Израиле.

Слева: штат Вермонт, предгорья Северных Аппалачей, весна 2003 года, первая встреча автора с Михаилом Окуневым;
Справа: Бостон, весна 2012 года, встреча автора с Михаилом Окуневым на бат–мицве его внучки.

Профессор Пол Окунев (слева) и его дед Пинхус Окунев, убитый фашистами в Понарских котлованах в Литве в 1941 году.

Удивительна судьба Рины Окуневой-Персико – дочери Михаила и Беверли. Она училась в религиозной школе в Чикаго, в 15-летнем возрасте уехала в Израиль и присоединилась к молодежному движению религиозных сионистов Бней–Акива. В 1980-м году Рина вышла замуж за религиозного изрильтянина Хаима Персико и родила 10 детей – четырех мальчиков и шестерых девочек. Сейчас у Рины уже 5 внуков, и ее семья быстро расширяется.

После нашей встречи в Вермонте в 2003-м году Михаил и Беверли посетили Россию, и в Санкт-Петербурге Михаил впервые встретился со своими двоюродными братьями, сестрой и их семьями. Одна из его племянниц из Санкт-Петербурга гостила у него в Чикаго. Недавно мы снова встречались с Михаилом и Беверли в Бостоне по случаю бат-мицвы их внучки...

***

Вот такая история! Сейчас она вошла в обыденное русло семейного общения, но до сих пор не оставляет меня ощущение возвышенного потрясения, через которое мы с Михаилом прошли в момент апофеоза этой истории, когда ему удалось найти близких родственников, а мне – утерянную ветвь нашей семьи. Может быть, этот результат посильнее любого из моих профессиональных научных изобретений и озарений. И даже если бы он был единственным, то и тогда не пожалел бы я о тех бессонных ночах, когда сложился замысел книги «Письма близким из XX века». Так что – не верьте тем, кто утверждает, будто семейные мемуары не имеют никакого практического смысла. Все зависит от того, как понимать этот пресловутый практический смысл и с какой высоты на него смотреть.

Советский Союз, вторая половина 1940-х годов

Мы прервали наше повествование о жизни Михаила Окунева событиями середины 1944-го года. Однако, на самом деле, его одиссея выживания в мире, в котором нельзя выжить, продолжалась еще несколько лет в послевоенных Советском Союзе, Польше и Германии, вплоть до эмиграции в США в 1950-е годы. Михаил вспоминал:

«Моя жизнь была подобна блужданию в темном туннеле без малейшего представления о том, когда появится свет в его конце. Это было полное опасностей путешествие в будущее».

Вынужденное «путешествие» Михаила в «темном туннеле» послевоенной Восточной Европы могло бы составить сюжет большого романа о судьбе молодых людей, переживших Холокост. Однако, мы не пишем роман, и в рамках этого небольшого по размерам эссе, вынуждены ограничиться лишь самыми краткими сведениями.

Осенью 1944 года небольшая вспышка света все же пробилась в темный туннель жизни Михаила. Вслед за советскими войсками в освобожденный Вильнюс приехала его тетя Эсфирь – родная сестра убитого отца. Эсфирь Окунева была московским врачом-психиатром и во время войны работала в военно-полевом госпитале. Она была командирована в Вильнюс для организации психиатрического госпиталя, нашла своего племянника и приняла участие в его судьбе. Михаил считает, что именно благодаря Эсфири он стал врачом. Через начальника госпиталя профессора Ребельского, который трогательно душевно отнесся к судьбе незнакомого ему молодого человека, она сначала помогла Михаилу освободиться от призыва в армию, а затем – поступить в Вильнюсский медицинский институт.

Михаил был хорошим студентом, старательно изучал русский, литовский и латинский языки, а также марксизм-ленинизм. Однако, его счастливая студенческая жизнь продолжалась недолго. Эсфирь уехала вместе с полевым госпиталем, и Михаил остался без родственной опеки и без средств к существованию. Студенты голодали, и многие подрабатывали, кто чем мог, ибо на стипендию прожить было невозможно. Михаил связался с приятелями, продававшими самогон, по неопытности вскоре попался и был арестован. Михаил обвинялся по статье «спекуляция» (к счастью – не «контрреволюция») и был помещен на время следствия в местную тюрьму. Вот как он описывает свое пребывание там:

«Меня поместили в небольшую камеру вместе с еще восемью заключенными. Ночью мы спали на полу по очереди, а в течение дня сидели или стояли. Раз в день

разрешалось сходить в туалет, в остальное время приходилось пользоваться ведром в углу камеры. Мои сокамерники были, в основном, местными уголовниками. Заправлял в камере высокий, здоровый рецидивист с большой шишковатой головой, посаженный очередной раз за кражу коровы в прифронтовой полосе. Он был, само собой разумеется, антисемитом, обзывал меня Абрашей и постоянно повторял, что евреи не хотят воевать, хотя знал о моем партизанском опыте. Мой друг Сэм Шимель присылал мне продуктовые посылки, но их содержимое делилось поровну на 8 человек. Я голодал в советской тюрьме в неменьшей степени, чем в гетто. Дневной рацион включал полфунта хлеба и миску водянистого супа. Вскоре я превратился в скелет...»

Три месяца провел Михаил в советской тюрьме, ожидая суда и отправки в сибирские лагеря, он снова был на грани катастрофы и оплакивал свою несчастную жизнь. Невыносимо было сознавать, что ему, выжившему в гетто и мечтавшему стать врачом, суждено вместо этого попасть в лагерь с уголовниками... Однако, судьба внезапно снова подбросила ему козырную карту: главный свидетель по делу о спекуляции самогоном внезапно умер, дело рассыпалось, и Михаила освободили «за отсутствием улик». Он тогда еще не понимал, что его освободили, чтобы использовать как подсадную утку для выявления других причастных к делу лиц...

Была зима 1945 года, в голодном и холодном Вильнюсе Михаил скитался по квартирам своих друзей, скрывался от слежки сотрудников госбезопасности и от проводившихся в городе облав. В отчаянной попытке избежать нового ареста, он ночью забрался в пустой товарный вагон и уехал в городок Асмяны на границе с Белоруссией – там советская администрация собирала выживших евреев для отправки в Польшу. Однако для легальной эмиграции в Польшу у Михаила не хватало необходимых документов, а для нелегального бегства у него не было необходимых денег на взятки чиновникам. Несолоно хлебавши, он возвратился в Вильнюс и пытался поселиться в доме своего друга Сэма Шимеля, но тот предупредил его, что дом находится под постянным наблюдением спецслужб... Вновь пытаясь избежать ареста и выжить, он решает уехать в Минск, где до войны жила его тетка, работавшая агрономом. Вот как Михаил описывал впоследствии свое путешествие в Минск ранней весной 1945 года:

«Я снова в товарном вагоне для скота... Снова в бегах от моих преследователей, снова лежу, зарывшись в грязную солому, чтобы не замерзнуть, с куском хлеба в кармане, без документов и денег. Господи, зачем я родился, зачем пришел в этот мир? Неужели, для таких страданий? Поезд пришел в Минск под вечер. Город был полностью разрушен. Передо мной разворачивалась чудовищная картина преступлений нацистской военной машины – километры и километры сплошных руин и скелетов когда-то красивых зданий и жилых домов. Везде валялись обломки, а улицы были покрыты слоем грязи, в которой увязали ботинки... Минск пострадал от немецкой интервенции больше, чем Вильнюс, и, вероятно, минские евреи были полностью уничтожены – я понял, что напрасно ищу здесь своих родственников... Везде сновали военные патрули, и я, содрогнувшись, осознал, какая смертельная опасность грозит мне, если я – без документов в военное время – буду задержан по подозрению в шпионаже или дезертирстве. Мне удалось спрятаться от очередного патруля в туалете, огороженном деревянным забором и представлявшем собой дыру в досках над ямой с нечистотами – патруль обошел стороной это грязное и вонючее место. Наверное, мне снова «повезло» – голодный, запуганный, в одежде, испачканной нечистотами, я «благополучно» вернулся в Вильнюс, где мой друг Сэм сказал, что меня ищет милиция и что его уже допрашивали по этому поводу...».

Оставаться в Вильнюсе было невозможно, и весной 1945 года Михаил навсегда покинул свой родной город. Его познакомили с начальником военного транспорта, следовавшего во Львов. Михаил рассказал ему о своей партизанской жизни, и тот, в нарушение предписаний, взял его с собой. Во Львове Михаил безуспешно пытался продолжить свое медицинское образование в местном медвузе, жил в полуразрушенном доме, где его соседями были только огромные крысы... Снова в темном туннеле его жизни не было ни малейшего проблеска света...

Война, между тем, окончилась, и во Львове, древнем польско-литовском городе, появилась возможность нелегальной эмиграции в новую, послевоенную Польшу, собранную союзниками из обломков бывшего польского государства. Друзья Михаила по партизанскому движению в Руднинкайской пуще организовали вблизи польского города Катовице сельскохозяйственную коммуну по типу еврейских кибуцев в Палестине, и ему удалось присоединиться к ним. Польское правительство поначалу поддержало это начинание и даже предоставило кибуцникам оружие для самообороны от местных погромщиков. Члены коммуны занимались сельскохозяйственным трудом и готовились к нелегальной эмиграции в Эрец Израэль, но Михаилу выпала другая карта... Университеты послевоенной Германии выделили стипендии для евреев, пострадавших от нацистских преследований, и он поехал туда учиться.

Так сбылась мечта этого восставшего из пепла еврейского парня – он стал врачом, но это, как говорят, уже совсем другая история...

В начале 50-х Майкл Окунев эмигрировал в Америку – его одиссея выживания закончилась. Он выжил, он победил!

***

В конце 1940-х годов началась сорокалетняя холодная война между Советским Союзом и Западом. Железный занавес тяжело опустился, непроницаемо разделив мир на две несвязанные части. В Советском Союзе контакты рядовых граждан с «миром капитализма», мягко говоря, не одобрялись и прежде. Но с конца 1940-х годов любые связи с Западом стали смертельно опасными. Люди боялись получить письмо или телефонный звонок от своих родственников из заграницы, люди отрекались от своих близких, живших на Западе. Михаил Окунев почти на 60 лет исчез из поля зрения его советских родственников, он перестал для них существовать, они приняли единственную приемлемую версию: Михаил и вся его семья погибли во время войны – точка! Только в 2003-м году я нашел его в Чикаго – ветвь семейного древа была восстановлена.

Эпилог – *molto appassionato*

В Санкт-Петербурге, на углу Тверской и Таврической улиц, стоит большой пятиэтажный дом с мансардами и огромной угловой башней. Он вошел в историю русской культуры под названием «Башня Вячеслава Ива́нова» по имени хозяина квартиры на верхнем этаже – знаменитого поэта, философа и вдохновителя Серебрянного века русской поэзии. В начале XX века в квартире под башней собирался цвет русской творческой интеллигенции. Блистательный златокудрый Вячеслав Ива́нов в пенсне и черных перчатках создавал дурманящую атмосферу творческого экстаза. При свете свечей с бокалами вина в руках гости читали рефераты на литературные, исторические и

религиозные темы, размышляли вместе с Николаем Бердяевым о философии творчества и свободы, слушали «Незнакомку» в исполнении Александра Блока, стихи Осипа Мандельштама и юной Анны Ахматовой с косой до пят, обсуждали постановки Всеволода Мейерхольда и грандиозную премьеру симфонической поэмы «Прометей» Александра Скрябина, яростно спорили о путях и судьбах русской культуры и России в целом. Никогда, ни до, ни после не случалось в российской истории столь мощного объединения таких светлых умов и великих талантов.

Обсуждали там и еврейский вопрос, а Вячеслав Ива́нов написал небольшую статью «К идеологии еврейского вопроса», в которой произнес очень сильные слова, объясняющие истинно христианское понимание сущности промысла Божьего в отношении евреев:

«Мне думается, что евреи – провиденциальные испытатели наши и как бы всемирно-исторические экзаменаторы Христианских народов по любви ко Христу и по верности нашей Ему. И когда дело Его в нас просияет, исполнятся их требования и ожидания... В нас же, если бы мы были со Христом, не было бы и страха перед испытателями; ибо любовь побеждает страх».

Выдержали ли христианские народы испытание «по любви ко Христу и по верности Ему», выдержали ли они исторический экзамен на человечность? Нет – не выдержали! Вячеслав Ива́нов скончался в Италии в 1949 году, когда страшные преступления христианских народов Европы против евреев были уже раскрыты во всем их чудовищном масштабе – он мог убедиться в наивности своей надежды на исполнение христианами заповедей Божьих. К сожалению, не «просияло дело Его», а, напротив, провалилось в черную бездну Понарских котлованов и Бабьего Яра, задохнулось и сгорело в газовых камерах и крематориях Освенцима. Христианский Бог умер на окровавленном острие штыка, пронзившего тело живого еврейского ребенка. Французский философ Филипп Лаку-Лабарт так и утверждал: «Бог умер в Освенциме, во всяком случае, Бог христианского Запада…», а испанский писатель Себастьян Вилар Родригес подвел следующий печальный итог: «Европа умерла в Освенциме. Мы убили шесть миллионов евреев и заменили их на двадцать миллионов мусульман. В Освенциме мы сожгли свою культуру, мышление, творческий потенциал, талант».

Как евреям удалось выжить в окружавшем их мире злобы и насилия? Как им удалось сохранить свое национальное существование на протяжении сорока веков преследований, направленных на их духовное и физическое уничтожение? Философы Жан-Жак Руссо, Георг Вильгельм Фридрих Гегель и Николай Бердяев, историки Генрих Грец и Пол Джонсон, писатели Марк Твен и Александр Куприн, другие крупнейшие философы и политики, талантливейшие историки и писатели пытались найти ответы на эти вопросы и... не нашли.

Американский писатель Марк Твен, тщательно изучивший историю евреев и посетивший с этой целью Палестину, с удивлением констатировал: «Египтяне, вавилоняне и персы поднялись, наполнили мир шумом и блеском, а затем завяли и канули в вечность; греки и римляне пошли по их стопам… и исчезли... Еврей видел всех, победил всех, и сейчас такой же, каким был всегда. Он не показывает ни признаков заката, ни старческого бессилия. Его таланты не поблекли, и его бодрость не изменила ему. Все в мире смертно кроме еврея; все уходит, но он остается. В чем секрет его бессмертия?».

Русского писателя Александра Куприна тоже волновал секрет бессмертия еврейского народа: «Удивительный, непостижимый еврейский народ!... Нигде не осталось и следа от

его загадочных врагов, от всех этих филистимлян, амеликитян, моавитян и других полумифических народов, а он, гибкий и бессмертный, все еще живет, точно выполняя чье-то сверхъестественное предопределение. Его история проникнута трагическим ужасом и вся залита собственной кровью: столетние пленения, насилие, ненависть, рабство, пытки, костры из человеческого мяса, изгнание, бесправие… Как мог он остаться в живых?».

Уже в наши времена русский писатель Александр Солженицын, отвечая на вопрос, разгадал ли он роль еврейского народа в истории, заметил: «Нет. У меня предположения есть,... но разгадки нет. Это метафизический вопрос, сложнейший. Я считаю, что и знатоки – не такие, как я, а настоящие знатоки, – тоже не разгадали. Это не дано человеческому разуму в полном измерении. Непонятно. Что-то загадочное все равно остается».

Что-то загадочное все равно остается и в рассказанной здесь истории Михаила Окунева. Когда он впервые высадился на американский берег, первый вопрос, который ему задали, был: «Как вы смогли выжить?». Михаил рассказывает: «Этот вопрос мне задавали так часто, что я едва ли не стыдился, что выжил вопреки всем страшным реалиям, что выжил там, где почти все погибли».

Я вижу в рассказанной здесь истории слепок с загадочной и необъяснимой судьбы еврейского народа – быть постоянно убиваемым, но таинственным и непостижимым образом возрождаться вновь и вновь, иногда через одно или два поколения. Витебский провизор Гершен Окунев – дед героя этой повести Михаила, имел 10 детей, но в страшном разломе XX века все они и их семьи попали под катки гитлеровского физического и сталинского духовного геноцида. Кто-то из них погиб, кто-то потерял свою национальную сущность, и казалось – эта ветвь еврейского древа исчезла, отпала от основного ствола еврейства навсегда. Но случилось непредсказуемое: через три поколения юная правнучка Гершена – дочь чудом выжившего в огне Холокоста Михаила – неожиданно, в каком-то невероятном духовном и физическом порыве, словно движимая самим Провидением, уезжает одна в Израиль и рожает там 10 детей – ровно столько, сколько было сто лет тому назад у ее прадеда – витебского провизора Гершена Окунева.

Подобных историй и судеб, наверное, немало. Каждая из них может быть объяснена вполне материалистически, как цепь определенных событий с известными причинно-следственными связями. Однако, когда эти истории суммируются и образуют вектор исторического движения еврейства в целом, материалистическая цепь объяснений распадается, а элементы этого движения становятся ирреальными, невообразимыми и непредставимыми, подобно элементарным частицам материи, чье поведение квантовая физика может описать только вероятностными законами.

Русский философ Николай Бердяев признавался: «Я вспоминаю, что в дни моей юности, когда меня привлекало материалистическое понимание истории, когда я старался проверить его на судьбах народов, мне казалось, что величайшим препятствием для этого является историческая судьба еврейского народа, что с точки зрения материалистической судьба эта совершенно необъяснима. Нужно сказать, что со всякой материалистической и позитивно-исторической точки зрения, этот народ давно должен был бы перестать существовать. Его существование есть странное, таинственное и чудесное явление, которое указует, что с судьбой этого народа связаны особые предначертания...».

Дочь чудом выжившего Михаила родила и воспитала в Израиле 10 евреев, словно во исполнение тех «особых предначертаний» судьбы еврейского народа, словно в пику

проклятым законам истории, согласно которым «этот народ давно должен был бы перестать существовать».

Жизнь и судьба Михаила и его семьи заставляет вспомнить слова великого премьер-министра Великобритании Бенджамина Дизраэли, лорда Биконсфильда, о мистической жизненной силе евреев:

«Многочисленные попытки их уничтожить происходили при наиболее благоприятствующих этому обстоятельствах и охватывали самый длинный период человеческой истории. Египетские фараоны, ассирийские цари, римские императоры, одержимые крестоносцы, готские князья и святые инквизиторы (мы можем добавить: казаки Хмельницкого, русские погромщики-охотнорядцы, немецкие фашисты и их многочисленные пособники почти во всех странах Европы, современные исламо-фашисты – Ю.О.) – они приложили все свои силы для достижения этой, казалось бы, простой цели. Изгнание, пленение, грабежи, изощренные пытки и массовые убийства, система унизительных обычаев и законов – все это могло подорвать душу любого другого народа, но оказалось совершенно напрасным в отношении евреев».

Не удалось преступному миру юдофобов подорвать душу этого народа, восставшего из пепла снова и снова, словно сказочная птица Феникс.

И не удастся никогда!

Юрий Окунев
Зима 2012–2013